

**ДЕЛА И ГОДЫ
НАРКОМА
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

**Сергей
ДМИТРИЕВ**

ЛУНА ЧАРСКИЙ

Сергей Николаевич Дмитриев Луначарский. Дела и годы наркома просвещения Серия «Портрет на фоне эпохи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73954037

Луначарский. Дела и годы наркома просвещения / Сергей Дмитриев:

Вече; Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5524-7

Аннотация

К 150-летию со дня рождения выдающегося деятеля советской эпохи, первого наркома просвещения А.В. Луначарского (1875—1933) вниманию читателей представляется новое исследование кандидата исторических наук, лауреата Патриаршей литературной премии С.Н. Дмитриева, продолжающее его предыдущий фундаментальный труд «Анатолий Луначарский. Дон Кихот революции» (М.: Вече, 2023). Даже названия отдельных глав книги подтвердят, что ее содержание очень разносторонне, оригинально и основывается при этом на привлечении огромного документального материала: «Луначарский в семейной жизни и на развилках судьбы», «История «Писем к Луначарскому» В.Г. Короленко», «Луначарский, обновленчество и религия», «Снова о

«философском пароходе», «Сталин и Луначарский: 44 эпизода переписки, взаимодействия и конфликтов», «Нарком на архитектурном фронте», «Луначарский и латинизация русского языка», «Поэт-нарком и литература Страны Советов».

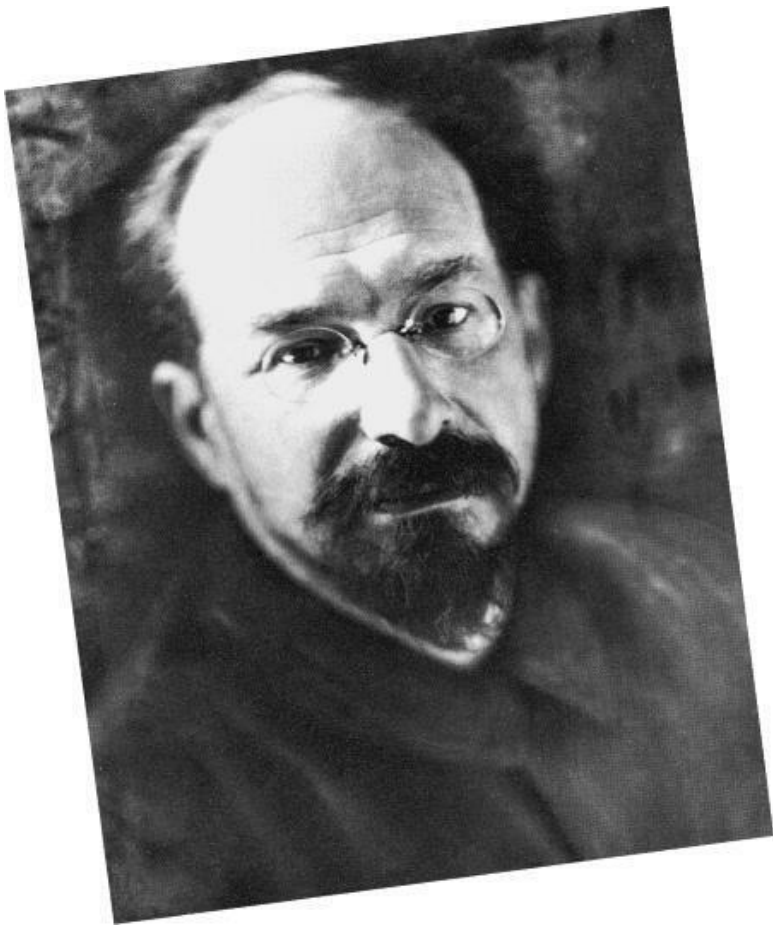
Все эти материалы показывают ранее неизвестные грани биографии наркома просвещения, сумевшего внести неоценимый вклад в осуществление культурной революции в России и проявить себя в различных ипостасях творчества. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями и документами, раскрывающими «дела и годы» наркома просвещения.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	9
Вместо введения	28
Луначарский в семейной жизни и на развилках судьбы	51
Беседы с А.А. Луначарской. 1935 г. Публикация воспоминаний	110
Беседа с А.А. Луначарской № 1. 17 марта 1935 г.	110
Беседа с А.А. Луначарской № 2. 20 марта 1935 г.	114
Беседа с А.А. Луначарской № 3. 22 марта 1935 г.	117
Беседа с А.А. Луначарской № 4. 23 марта 1935 г.	126
Беседа с А.А. Луначарской № 5. 27 марта 1935 г.	139
Беседа с А.А. Луначарской № 6. Апрель 1935 г.	144
Психосенсорная сфера	144
Эмоционально-аффективная сфера	152
Беседа с А.А. Луначарской № 7. 7 апреля 1935 г.	155
Эмоционально-аффективная сфера	155

**Сергей Дмитриев
Луначарский. Дела и годы
наркома просвещения**

Серия «Портрет на фоне эпохи»

Издано при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

© Дмитриев С.Н., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Предисловие

В 2025 г. исполняется 150 лет со дня рождения Анатолия Васильевича Луначарского (1875–1933), первого наркома просвещения РСФСР, сумевшего почти 12 лет войти в состав революционного правительства. И это прекрасный повод вспомнить об этой выдающейся фигуре в истории нашей страны XX века. Луначарскому не повезло: после смерти он был почти забыт, в 1960–1970-х гг. начали вновь издаваться его труды, из него стали лепить «почти что святого», «идеального наркома просвещения», который противостоял якобы «сталинскому режиму», однако ни одного серьезного исследования его насыщенной событиями жизни так и не появилось вплоть до эпохи, когда и самого наркома причислили к «темным фигурам революции», вспомнив его характеристику Леонидом Андреевым: «Луначарский со своим длинным хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры... Светлый луч в темном царстве – так, вероятно, он сам мыслит про себя, ибо кроме всего он человек пошлый и недалекий». Луначарского стали даже называть в 1990-х гг. «культурным нэпманом, развращенным привилегиями и путешествиями за границу», а потом он опять выпал из сферы общественного внимания.

Сегодня пришло время серьезного исследования биографии наркома, и дело здесь не только в оставшихся еще

в архивах под спудом документах о его роли в строительстве нового общества, но даже в невыясненности многих эпизодов его биографии. Начать с того, что он был сыном статского советника А.И. Антонова, но причуды судьбы подарили незаконнорожденному ребенку «звонкую» фамилию его отчима В.Ф. Луначарского, который сам был внебрачным сыном полтавского помещика польского происхождения Ф. Чарнолуского и крепостной крестьянки. От отчима Луначарский получил и свое дворянское звание. Лишь около пяти лет он прожил в Нижнем Новгороде с матерью и отцом, после смерти которого семья перебралась в Киев. И раннее приобщение юного Анатолия к социал-демократии в киевской гимназии, и его учеба в Цюрихском университете, и ознакомление его с Европой, и его последующая тюремно-скитальческая эпопея, занявшая почти пять лет, и участие в первой русской революции, и дальнейшая более чем десятилетняя эмиграция «лепили» из него «твердого революционера», но с «культурным уклоном», как будто бы судьба специально готовила из этого увлекающегося поэзией, драматургией, философией и религией интеллигента, написавшего за свою жизнь тысячи статей, будущего наркома просвещения. И стал он им совсем немолодым – почти в 42 года!

А.В. Луначарский, нарком просвещения РСФСР. 1920-е гг.

Еще до революции харизма Луначарского часто придавала ему черты «духовной фигуры». «Блаженным Анатолием» назвал его Г.В. Плеханов, «апостолом терпимости» наркома называли многие из тех, кто помнил его дореволюционные попытки «богостроительства», которые привели к почти восьмилетнему разрыву Луначарского с Лениным и его отдалению от руководства большевиков. Что касается Дон Кихота, то этот образ сопровождал Луначарского всю жизнь: этим именем его называли соратники по партии за необычное и часто непримиримое поведение, за защиту им многих жертв гонений и репрессий. Сам же он сразу после Гражданской войны сочинил пьесу «Освобожденный Дон Кихот», в которой отразил свои идеалы.

Окончательно вернувшись в «лоно большевиков» в 1917 г., Луначарский заслуженно занял пост наркома просвещения и, преодолев первый шок несостоявшейся отставки, связанной с ноябрьскими событиями в Москве, с головой погрузился в работу по спасению наследия прошлого, став, безусловно, ключевой фигурой в культурной истории «красного проекта». Возглавляя Наркомат просвещения, он руководил образованием всех уровней, наукой, театрами, литературой, музеями, изобразительным искусством. Под его руководством осуществлялась гигантская работа по ликвидации неграмотности, организации библиотек и музеев, издательского и архивного дела. Особенно важна и интересна его

заметная роль в жизни научного сообщества и в бушующем страстями мире искусств.

Показательно, что деятельность наркома сопровождали постоянные конфликты с Лениным: то по поводу Пролеткульта и роли левых деятелей искусства, в том числе футуристов, то по поводу «провальной» монументальной пропаганды и неоднократного стремления Ленина закрыть Большой и другие академические театры, которые наркому удалось спасти, то по поводу перестройки деятельности Наркомпроса и гонений на интеллигенцию, то по поводу пайков мастерам культуры и платного обучения в период НЭПа. В этих битвах Луначарский часто проявлял себя бесстрашным Дон Кихотом, готовым уйти в отставку, чем заслужил уважение у того же «несговорчивого» Ленина.

Свою творческую ипостась, проявлявшуюся в разных жанрах, нарком не смог затушить в себе даже в периоды самого напряженного положения первых лет революции. Удивляет, что в суматохе наркомпросовской работы нарком находил время для стихотворного творчества, которое играло для него роль переключения интеллектуальной энергии. Любопытно, что нарком совсем не стремился печатать свои стихи. Иначе складывалась судьба его пьес, которые он старался не только публиковать, но и ставить в театрах. Правда, и с ними все было не так гладко: многие его пьесы до сих пор не обнаружены, а часть осталась незавершенной. Свои самые значительные пьесы Луначарский написал именно в

первые годы революции, и часть из них, такие как «Королевский брадобрей», «Освобожденный Дон Кихот», «Иван в раю», «Медвежья свадьба», «Яд», с успехом шли во многих театрах Советской России и даже в зарубежных странах.

После смерти Ленина начинается завершающий период работы Луначарского на посту наркома, с постепенным отдалением его от большевистской элиты, с нарастанием числа его конфликтов на пути к «великому перелому», связанных с недостаточным финансированием образования, с распродажей сокровищ Эрмитажа и других музеев страны, с начинавшимися сносами храмов и монастырей. Эти конфликты и привели в итоге к отставке наркома в сентябре 1929 г., что до сих пор было скрыто в архивах «за семью печатями».

Отношения Луначарского со Сталиным складывались долгое время в уважительно-деловом ключе, о чем может свидетельствовать хотя бы отклик самого Сталина в 1925 г. на ответ наркома о нежелательности присвоения нескольким артистам Большого театра к его 100-летию звания заслуженного артиста: «Уважаемый тов. Луначарский! В делах искусства, сами знаете, я не силен, и сказать что-либо решающее в этой области не смею».

Найденная в архивах неизвестная ранее переписка Луначарского со Сталиным в 1924–1933 гг. показывает, что эти деятели находили общий язык по многим вопросам культурного строительства, начиная, к примеру, от их совместной поддержки постановки во МХАТе «Дней Турбиных» М.

Булгакова и кончая сохранением Ясной Поляны. И именно Сталин, когда Луначарский выступил в 1929 г. против музейных распродаж и сноса в Кремле Чудова и Вознесенского монастырей, поддержал идею наркома, что его уход с поста произойдет мирно, «по собственному желанию», и что далее Луначарский становится председателем Ученого комитета при ЦИК СССР. Это позволило ему в последние годы жизни фактически возглавить всю научную работу в стране, став при этом академиком. И именно Сталин поддержал в августе 1933 г. переход «потерявшего» здоровье Луначарского на дипломатическую работу в качестве полпреда СССР в Испании. Так что никаких «гонений» Сталина на видного большевика-ленинца не было, наоборот, Луначарский в ходе многолетней борьбы с оппозициями всегда поддерживал в той или иной степени Сталина.

А.В. Луначарский с учащимися рабочих факультетов школ для взрослых. 1929 г. (РИА «Новости»)

Долгие годы Луначарский служил для интеллигенции «громоотводом». Он участвовал в судьбе ее видных представителей, в том числе мировой величины. Многие благодаря ему пережили ужасы революции и Гражданской войны, красный террор и репрессии, гримасы НЭПа и ускоренного строительства социализма, бытовые лишения и идеологические гонения. За кого только не заступался нарком в те годы:

И. Бунин, С. Есенин, А. Блок, Н. Гумилев, И. Шмелев, В. Брюсов, М. Булгаков, Ф. Шаляпин, С. Прокофьев, К. Станиславский, В. Мейерхольд, В. Вернадский, А. Бенуа, Е. Тарле и многие другие. Не во всех случаях удавалось добиваться успеха, но, если описать все эти примеры заступничества, получилась бы объемная книга.

Луначарский запомнился своим «толерантным» отношением к разным направлениям литературы и искусства: он сыграл видную роль в определении в 1925 г. взвешенной политики партии в области литературы, поддержав так называемых «попутчиков», своим призывом «Назад к Островскому» он спас русский театр от падения в бездну левизны, он активно помогал таким молодым талантам, как Д. Шостакович и Д. Ойстрах, и налаживал связи с Академией наук, привлекая ученых к новому строю.

«Грех» поддержки Луначарским футуристов и левацких деятелей в искусстве – это скорее миф, чем реальность. В крайне важном письме к главному редактору «Красной нови» А.К. Воронскому 9 июля 1923 г. нарком сообщал: «Я очень большой сторонник того ренессанса реализма, который, теоретически по крайней мере, всюду начинает провозглашаться. Нам буквально, как хлеб, нужен сейчас в литературе, в театре, в живописи, в музыке, в плакате, в графике реализм, притом реализм, которых исходил бы приблизительно из передвижнических, классико-реалистических основ...»

Луначарский выступил против «чванства» так называемых «пролетарских» писателей: «То, от чего надо всемерно предостеречь ВАПП, коммунистических и пролетарских писателей, – это переоценка своих заслуг, всяческие признаки чванства, нежелание серьезно учиться на величайших образцах нашей и иностранной литературы». «Надо усвоить себе ту истину, – утверждал нарком, – что искусство идет многими путями и должно идти ими. Я могу с уверенностью сказать, что никогда Советская власть не позволит никаким мономахам объявить законной только одну группу художников, а остальные отвергнуть».

Луначарского можно упрекнуть во многих просчетах, но одного у него не отнять: Дон Кихот революции свято верил в благодатную силу культуры в деле формирования «нового человека». И на этом фронте он сумел добиться многого, хотя сам был фигурой сложной и противоречивой, со своими заблуждениями и ошибками. Он был не столько политик, сколько интеллигент, втянутый в политику, он был интеллигент среди большевиков, большевик среди интеллигентов. По справедливому замечанию М.Н. Покровского, Луначарский стал человеком, «лучше которого партия не могла найти». Действительно, трудно представить себе кого-либо другого из узкого круга «ленинской гвардии» на месте первого наркома просвещения. И неслучайно многие ее представители сами от этого поста отказывались, как это было с Л.Д. Троцким и Н.И. Бухариным.

«Если бы не было этого заботливого глаза, многое, несомненно, погибло бы в вихре социального переворота» – так оценивали роль Луначарского в 1927 г. в журнале «Народное просвещение». Но были при его жизни и явно критические отзывы деятельности наркома, вытекавшие прежде всего из рядов противников советской власти. В целом неоднозначные оценки личности Луначарского рождались часто из его особого мировоззрения, основанного на «эмоциональности, интересу к религии и романтизме», а также на безмерной широте его интересов и видов ежедневной деятельности. Столь парадоксальную ситуацию довольно неожиданно объяснял Б.Л. Пастернак, который говорил в 1922 г. о присущей Луначарскому «широте слишком всеобъемлющей, чтобы на нее всякий раз не ополчаться в частностях»¹. К сожалению, именно такой «слишком всеобъемлющей» широты не понимали или не всегда учитывали многие противники и оппоненты Луначарского как при его жизни, так и в наши дни.

А было время, когда в период развала СССР Луначарский вместе с советским опытом «выбрасывался с корабля современности». Один «московский учитель литературы» писал, например, в «Учительской газете» в 1990 г.: «Народный комиссар подыгрывал Шариковым и Швондерам», ведь тогда «ключевые посты в государстве занимали малообразован-

¹ Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского. 1917–1933 гг. / Авт. – сост. В.В. Ефимов. Части 1–5. Ч. I. Душанбе, 1992. С. 418. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием части и страниц.

ные люди. Не был исключением и Луначарский... Брал он другим – умел вовремя подключиться к разрабатываемой идее, повернуть собственные дела в нужную сторону... С самого начала Луначарский взялся не за свое дело»².

Журналист Ким Смирнов справедливо писал обо всех этих несправедливых выпадах в 1991 г.: «Посмотрите, с какой лобовой направленностью идут сейчас атаки на Луначарского. Что-то нечистое, «бесовское» есть во всех этих нынешних манипуляциях с историческими фактами, в выстраивании их в однозначную, заданную линию... Бесы – всегда против гения. Характернейшая их черта во все времена, у всех народов – ненависть к неординарному, зоологическое неприятие таланта, затаптывание всего, что подымается над средним уровнем, в грязь, в пошлость»³.

² Учительская газета. 1990. Сентябрь. № 39. С. 3.

³ Известия. 1991. 9 февраля. С. 3.

ЛАВР

Александр Хорлин

В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ

ЛУНАЧАРСКИЙ

Дон Кихот революции

АВТОРЫ СЦЕНАРИЯ Сергей Дмитриев, Елена Полякова · РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК Екатерина Анхуратова
КОМПОЗИТОР Карен Казанов · ОПЕРАТОРЫ-ПОСТАНОВЩИКИ Александр Колокольцев, Максим Кармен
МОНТАЖ И ВИЗУАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ Андрей Горбик · ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР Светлана Резвушкина

Афиша художественно-документального фильма «Луна-
чарский. Дон Кихот революции». 2024 г.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Музей истории литературы
имени В. И. Даля
для детей и подростков

К 150-летию
со дня рождения
А. В. Луначарского

с 28/03
по 28/09
2025

ТОВАРИЩ НАРКОМПРОС

Государственный музей
истории российской литературы
имени В. И. Даля

Зубовский, 15 | +7 495 695-53-08
goslitmuz.ru

Информационный партнер: КУЛЬТУРА.РФ

Афиша юбилейной выставки «Товарищ Наркомпрос», посвященной А.В. Луначарскому, в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля. 2025 г.

В своем дневнике в 1930 г. Луначарский оставил показательную запись: «Я совсем мало создан для нашего свирепого времени. Конечно, я революционер ради огромного расцвета сильной, светлой и справедливой культуры. Но лес рубят – щепки летят. Допустим, я сам ничего не совершил *тяжелого*. Однако нельзя же прятать от себя, что я в конце концов отвечаю за все, а ложных страданий причиняется много и не видно конца. Да, без революции нелегко улучшить ужасное это общество, но какой же ценой дается эта победа? Да еще дается ли?»

«Цена революции» была действительно высокой, и Луначарский понимал, что и он «отвечает за все», однако оставался при этом верен ее идеалам. Луначарскому предъявляют немало обвинений: и в слепой вере в дело революции, и в забвении нравственных норм, и в атеистической пропаганде, и в поддержке ошибочных экспериментов, и в приспособлении к партийным установкам сурового времени. Однако главная его заслуга заключалась в защите культурного наследия, интеллигенции и деятелей искусства в жестоких условиях революции.

«Тот, кто выражает черты своего времени, роднящие его с будущим, оказывается бессмертным» – так говорил нар-

ком о классиках. Относил ли он эту максимуму к самому себе, можно только гадать. Однако по прошествии многих десятилетий имя Луначарского на исторических скрижалях не потускнело. Герой своей эпохи, он нес и сберегал те начала, которые находят и еще будут находить отклик в будущем, и главные из них: вознесение культуры на высочайший пьедестал и признание важнейшей роли в ее развитии именно государства.

Автор книги на выставке «Товарищ Наркомпрос» у письменного стола из квартиры А.В. Луначарского в Денежном переулке Москвы

Автор этой книги в 2024 г. выпустил в свет фундаментальную биографию «Луначарский. Дон Кихот революции» (серия «Страницы советской и российской истории»), которая впервые за долгие годы вернула внимание общественности к фигуре первого наркома просвещения. Однако собранный автором документальный материал не вошел полностью в выпущенную тогда книгу, что подвигло автора к подготовке нового издания, более весомо и выпукло показывающего отдельные, важные, интересные и значимые моменты жизненного пути и творчества Луначарского. Книга «Луначарский. Дела и годы наркома просвещения», будем надеяться, станет новым заметным вкладом в изучение наследия этого выдающегося государственного деятеля и популяризацию его творческого и биографического пути.

Кроме того, при участии автора в 2024 г. студией «Лавр» (авторы сценария С. Дмитриев, Е. Полякова, продюсер С. Резвушкина, режиссер-постановщик Е. Аккуратова, в роли Луначарского – артист А. Хорлин) был выпущен художественно-документальный фильм «Луначарский. Дон Кихот революции» (1 час), который был дважды показан на канале «Культура» и доступен в настоящее время для зрителей в интернете на сайте студии «Лавр». Фильм позволил по-но-

вому, художественно-исторически, с привлечением огромного массива материалов, в том числе хроники ушедших лет, взглянуть на жизненный путь первого наркома просвещения, открыв неожиданные грани в облике Луначарского. Надеемся, что этот фильм тоже внесет свою лепту в понимание эпохи революции и биографии одного из вождей большевиков, как это делают книги.

Нельзя не упомянуть и о юбилейной выставке, посвященной Луначарскому, – «Товарищ Наркомпрос», которая открылась в Москве в марте 2025 г. в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля и представила зрителям богатую коллекцию (более 700) фотографий, документов, афиш, мемориальных предметов и даже мебели из кабинета наркома просвещения. Такое «перемещение» в эпоху первых революционных лет – еще одна возможность «вспомнить» об одной из самых ярких фигур советской эпохи.

Вместо введения Интервью с автором книги корреспондента «Российской газеты», писателя Павла Басинского

П. Басинский: К своему стыду, до прочтения вашей книги «Анатолий Луначарский. Дон Кихот революции» почти ничего не знал о жизни Луначарского. Кроме того, что он был первым советским министром культуры (наркомом просвещения) и что Владимир Ильич Ленин хотел его «сечь за футуризм» из-за его любви к поэзии Маяковского. (Почему-то запомнилась со школьной скамьи это ленинская фраза.) Еще, занимаясь биографией Максима Горького, я краешком познакомился с темой «богостроительства» Луначарского во время его пребывания на Капри и разногласий с Лениным. Но его книги «Религия и социализм» не читал, как, подозреваю, и большинство читателей нашей газеты. Ну и все знают, что после Октябрьской революции он вместе с Горьким защищал творческую интеллигенцию.

Загадочная фигура! Все о нем что-то слышали, но мало что знают. Поэтому начнем *ab ovo* (с яйца). «Декадентская» фамилия Луначарский (луна и чары) – это настоящая фами-

лия или поэтический псевдоним? Он ведь и стихи писал, не только революционные, но и сентиментально-лирические, в духе романсов XIX века. Был ли он евреем по происхождению, в чем убеждены его современные критики из русофильского лагеря? И что с незаконностью его рождения?

Автор: Удивительно, но до сих пор малоизвестными были даже драматические обстоятельства юных лет жизни Луначарского, который и свою фамилию, и свое отчество, и даже свое звание дворянина получил не от отца, а от отчима, с которым и жить-то ему рядом практически не пришлось. Причем отчим В.Ф. Луначарский, юрист, надворный советник, был незаконорожденным, внебрачным сыном полтавского помещика Федора Чарнолуцкого и крепостной крестьянки. В таких случаях детям, не имевшим прав на титул и наследство отца, давали измененную фамилию, которая была образована перестановкой частей: «Чарнолуцкий – Луначарский» (причем изначально было Луночарский). Так и родилась эта поэтическая фамилия, которой суждено было войти в историю.

Анатолий Луначарский в студенческие годы. Киевская гимназия. (РИА «Новости»)

А.В. Луначарский. Париж, 1897–1898. (РИА «Новости»)

Отцом же будущего наркома был управляющий контрольной палатой, статский советник А.И. Антонов, с которым его мать А.Я. Ростовцева имела романтические отношения и к которому переехала из Полтавы в Нижний Новгород, когда Анатолию было около 4 лет. То, что он был незаконнорожденный, Анатолий Васильевич старался не афишировать, и фамилия Антонов, которую ему следовало бы носить, осталась только в архивах. Эти факты подтверждают несостоятельность того мифа, что нарком просвещения имел якобы еврейское происхождение. Как он писал сам, его дед по матери Ростовцев «был великоросс», а его прадед по отцу был, «по-видимому, литовец»: «У моего отца и у меня – литовский профиль. К этому надо добавить, что обе мои бабушки были польки». В 1919 г. Луначарский в «Правде», отвечая на утверждения, что «вот-де я еврей», написал, что «не только я сам, но и мои отцы и деды – русские и православные, т. е. я был крещен, как православный, а теперь, конечно, не православный, не еврей, а коммунист».

П. Басинский: К удивлению, узнал, что в киевской гимназии Луначарский дружил с будущим религиозным философом Николаем Бердяевым. Вообще удивительно, сколько выдающихся личностей русской культуры вышли из Украины и непосредственно из Киева, «матери городов русских»! Сегодня об этом особенно больно думать... Бердяев, как и

Луначарский, начинал свой путь как марксист и революционер, подвергался арестам, ссылкам и т. д. Это было общее настроение для молодых интеллектуалов того времени?

Автор: Луначарский поступил в Киевскую гимназию в 1886 г. после смерти отца и переезда его с матерью и братьями в Киев и вскоре окунулся там в атмосферу революционных настроений. В то время именно подобная среда – в семье, в гимназии – постепенно вовлекала многих молодых людей в революционный круговорот. Не избежали этого и Бердяев, и Луначарский, которому будет суждено пережить несколько арестов, 17 месяцев в тюрьме, 3 года ссылки и более 14 лет жизни за границей.

П. Басинский: В отличие от Володи Ульянова, в гимназии Луначарский учился скверно, один раз оставался на второй год, поэтому и окончил ее в 20 лет. Откуда же такая его легендарная эрудиция и знание многих иностранных языков?

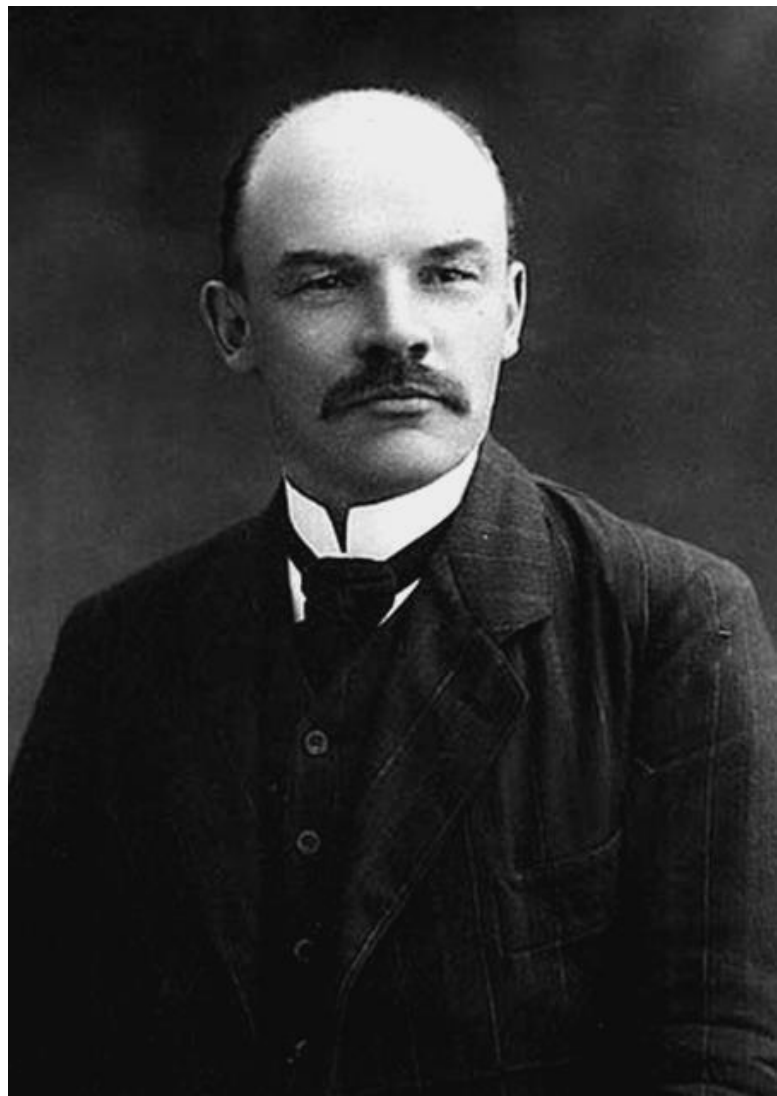
Автор: Да, энциклопедически образованный, знавший много языков Луначарский, по его собственному признанию, «школу презирал», «учился плохо, на тройку». Разгадка начитанности и энциклопедичности Анатолия – это его самообразование, которое он активно, порой даже до чрезмерности, продолжал и в годы учебы, и в годы эмиграции, и находясь на посту наркома. «Капитал» Луначарский, например, штудировал еще в 4-м классе гимназии. Начало своей революционной деятельности он относил к 1893 г., когда закрепил за собой роль «бойкого агитатора-пропагандиста» и,

главное, начал в гектографической социал-демократической газете свое «писательское творчество», которое продолжалось потом всю жизнь в самых разных жанрах – от публицистики, прозы и литературоведения до поэзии и драматургии. Яркий агитатор и талантливый автор – эти две ипостаси революционера Луначарского формировались именно в гимназические годы. Тогда же он открыл в себе и еще одну страсть, ставшую его визитной карточкой, – углубленные занятия философией, которые после увлечения модным швейцарским профессором Авенариусом подтолкнули его поехать в Цюрихский университет, где ему удалось, правда, проучиться менее года. Чисто формально Луначарский так и не имел законченного высшего образования.

П. Басинский: Оказавшись в эмиграции, Луначарский сходится с большевиками и Лениным. Вы пишете, что Ленин особенно ценил Луначарского, прежде всего как опытного газетчика, блестяще владеющего пером и много сделавшего для большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». Ленин выделял в Луначарском, как он говорил, «французский блеск», хотя и отмечал, что «легкомыслие у него тоже французское». Но вскоре наступает резкое расхождение Ленина с Луначарским, как и с Горьким, с которым Луначарский, наоборот, тесно сближается. Это связано с периодом «богостроительства». Я убедился, что в «богостроительстве» мало кто понимает, его постоянно путают в «богоискательством». Но Луначарский, как и Горький, с юности был убежденным

атеистом. Зачем им было «строить» Бога? В случае с Горьким я понял это так. «Бог умер», по словам Фридриха Ницше, которым Горький в молодости сильно увлекался. Но Его нужно вновь «создать» в форме «религиозного, весь мир связующего сознания труда». Не подневольного, а свободно-го, творческого труда. Это и есть социализм – новая религия народных масс. Собственно, об этом и написан роман Горького «Мать». А как понимал это Луначарский? И почему «богостроительство» вызывало такую ярость Ленина?

Автор: Термин «богостроительство» придумал именно Горький, но глубоко развил эту теорию Луначарский, который, если говорить кратко, хотел соединить марксизм и религию, справедливо полагая, что при созидании нового общества большинство населения страны, и пролетариат, и крестьянство, не обойдется без религиозных взглядов и необходимо, придав социализму некую «богоустановленность», постараться заменить Бога именно на «научный социализм», который должен стать новой формой религии, выполняющей роль не «опиума для народа», а «социального организатора». Понятно, что такой вывод не мог не привести в шок многих однопартийцев Луначарского, в том числе и Ленина, возмущавшегося тем, что «из идеи бога убирается прочь... предрассудки, освящение темноты и забитости», а «вкладывается добренькая мещанская фраза «бог = идеи будящие и организующие социальные чувства».

В.И. Ленин в Париже. 1910-е гг.

А.В. Луначарский – натура романтическая. 1910-е гг.

Богом Луначарский называл «цельное социалистическое отечество»: «А кто б о г о с т р о и т е л ь? Конечно, пролетариат... *Бога нужно не искать... его надо дать миру.* В мире его нет, но он может быть. Путь борьбы за социализм, то есть триумф человека в природе, это и есть *богостроительство*». Луначарскому удалось предвосхитить и сформулировать те черты особой «религиозности», которые несла в себе практика общественной жизни в стране 1917–1930-х гг. В облике российского социализма, как бы ни ругал «богостроителей» Ленин, не могли не отразиться в измененной форме глубокие религиозные корни русского и других народов, строивших новое общество. И важно, что эти черты и явления находили конкретное проявление в практике общественной жизни, взять хотя бы, например, революционные праздники и обряды, культ «новых вождей» с ленинским Мавзолеем и портретами членов Политбюро на демонстрациях. Неудивительно, что впечатлительный М. Горький еще в 1907 г. писал: «Вижу Луначарского ежедневно и – восхищен его умом, его идеями. Скоро выйдет его книга о религии, он часто рассказывал ее содержание – это глубоко интересная и страшно нужная вещь...»

П. Басинский: Новый этап расхождения Ленина с Луначарским начинается после Октябрьской революции. В Москве шли серьезные бои с противниками большевиков.

Бомбили Кремль, пострадал Чудов монастырь, который потом, в конце 1920-х гг. вообще был снесен, как и кремлевский Вознесенский монастырь. И тут Луначарский выступает как горячий защитник церковной культуры. Вы приводите любопытный разговор Ленина с Луначарским, где Ленин убеждает его, что победа в классовой борьбе важнее сохранности памятников прошлого. Победивший социализм построит куда более великолепные памятники. И здесь, как мне кажется, наступает время главного расхождения первого наркома просвещения с новой властью. Что важнее: победа мировой революции (которая так и не состоялась) или сохранение культурного наследия? Давайте посмотрим на это из сегодняшнего дня. Кто победил в этом споре?

Автор: Борьба за сохранение культурного наследия, причем в самых разных сферах, музейной, театральной, литературной, церковной, научной, велась нешуточная. Луначарскому и его сторонникам приходилось сдерживать левацкие порывы «сбросить богатства прошлого с корабля современности». И в упомянутом вами споре, несмотря на огромные потери того времени, особенно в области церковной архитектуры, удалось все-таки сохранить основные культурные богатства страны, о чем могут свидетельствовать сотни музеев, театров, литературных журналов, вузов, школ и т. д., которые начали создаваться именно в первые годы революции и сохранились до сих пор. Луначарский был на этом фронте истинным Дон Кихотом, воевавшим против ветря-

ных мельниц варварства, и знаменательно, что конкретным поводом для его отставки в сентябре 1929 г. стала его резкая критика распродаж сокровищ Эрмитажа и других музеев, а также протест против сноса в Кремле Чудова и Вознесенского монастырей. Самые вопиющие потери в области культуры, особенно музейные распродажи и взрывы церквей, произошли в 1930–1934 гг., когда Луначарский уже не находился на своем посту.

П. Басинский: Крайне важным документом является несостоявшаяся переписка Владимира Короленко с Луначарским в 1920 г. Письма писателя к наркому были опубликованы только в 1988 г. Короленко выступал против разжигания большевиками гражданской войны, против репрессий, удушения свободы слова. И его аргумент был неотразим, ведь именно против этого революционеры боролись с царской властью: цензура, политические преследования, тюрьмы... Анатолий Васильевич здесь оказался в сложном положении. Признать это публично он не мог, а согласиться с Короленко, как член ленинского правительства, тоже не мог. По сути, он был вынужден сидеть на двух стульях. Меня, например, покорила фраза из его статьи к юбилею Короленко в «Петроградской правде», где он пишет о его взглядах: «Какая все это мелочь, какая все это моральная дребедень по сравнению с мировыми событиями, их горечью и их славой!» Ведь здесь он повторяет позицию Ленина, с которой сам же недавно спорил. Вы согласны?

Автор: Луначарский потому так и не написал ответов на письма Короленко, что спорить с ним на ниве нравственности, милосердия, гражданских и религиозных свобод, которые большевики просто растоптали в те самые суровые годы, ему было почти невозможно. Нарком долгие годы изворачивался, заявляя, что не все письма писателя им были получены и потому якобы он на них не ответил. А решение об отказе в публикации переписки наркома с Короленко приняло в 1920 г. именно Политбюро. Луначарский был сыном своего времени, грехов у него хватало, и один из них – это поддержка политики военного коммунизма со всеми ее изъятиями и жестокостями. Хотя, как уже отмечалось, Луначарский был, пожалуй, самым «мягким» среди вождей большевиков, спасая от репрессий сотни представителей интеллигенции, включая И. Бунина, А. Блока, Н. Гумилева, С. Есенина, Ф. Шаляпина, В. Вернадского, Е. Тарле и многих других. Эти факты могут стать темой отдельного разговора.

П. Басинский: Это правда, что Луначарский сохранил для нас Большой театр?

Автор: Да, и спасал он его несколько раз, постоянно отстаивая политику сохранения театрального наследия и даже объявив в 1923 г. показательный лозунг «Назад к Островскому!». Еще в июле 1919 г. он выступил против левацкого отношения к театрам Н.И. Бухарина (Правда. 1919. 16 июля), набросившегося с критикой на Наркомпрос: «Мы далеки здесь от категорической программы тов. Бухарина:

«надо сломать буржуазный театр, кто этого не понимает – не понимает ничего»... Т. Бухарин думает, что знакомство со всем прошлым человечества через великие произведения гениев всех народов и всех эпох... означает собой плен у буржуазной культуры. Мы же считаем, что это называется образованием, что это называется обладанием культурой прошлого... Пока я остаюсь Народным комиссаром по просвещению, это дело введения пролетариата во владение всей человеческой культуры – остается первой моей заботой, и от этой задачи меня лично не оттолкнет никакой азбучно примитивный коммунизм».

Когда 12 января 1922 г. Политбюро приняло по инициативе Ленина постановление «О закрытии Большого театра», Луначарский «категорически» потребовал «пересмотреть это решение по заслушивании моих аргументов против него», упрекая при этом Ленина: «Если законы конституции не распространяются на ЦК, то законы разумности безусловно распространяются». Наркому удалось привлечь на свою сторону профсоюзы, Моссовет и ВЦИК в лице его председателя М.И. Калинина, и решение Политбюро было в итоге отменено! Луначарский победил в данном вопросе «непримиримого» Ленина. Однако 2 ноября 1922 г. Политбюро вновь по настоянию Ленина, желавшего «положить театры в гроб», принимает решение о закрытии теперь уже двух театров: Большого и Мариинского. И вновь Луначарскому с огромными усилиями удалось тогда спасти театры от

гибели. Немаловажную роль здесь сыграло то, что больной Ленин уже окончательно отошел от дел.

Прав был Борис Слуцкий, писавший в стихотворении «Памяти Луначарского»:

Надо стихи писать.
Он в голодное время
Вздумал балет спасать...
Бедной, сырой, недужной
Он доказал Москве:
Нужен балет ненужный —
Сердцу и голове.

П. Басинский: Луначарскому было не чуждо ничто человеческое. Женился второй раз и – на молодой актрисе Н.А. Розенель. Ради красавицы-жены мог позволить себе задержать отход поезда из Москвы в Ленинград. Об этом скандале писала центральная пресса, печатала злые эпиграммы на наркома. Это позволялось только по отношению к нему? У него не было «охранной грамоты»?

Автор: Никакой «охранной грамоты» у Луначарского не было, ему неоднократно объявлялись выговоры, он выдерживал нападки на него со стороны руководства партии, часто конфликтовал с Лениным, Троцким, Каменевым, Зиновьевым, чуть не уйдя из-за всего этого в отставку в сентябре 1921 г., его пьесы не раз запрещались к показу Главреперткомом, который вроде бы наркому подчинялся, а на его

многочисленных выступлениях нередко против него велась открытая и оголтелая критика. Таково было то сумасшедшее время...

А.В. Луначарский и заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский среди деятелей культуры и сотрудников наркомата. 1920-е гг.

П. Басинский: Луначарский был не только лучшим нашим министром культуры, но и незаурядным писателем. Считается, что в пьесе «Дон Кихот освобожденный» он в главном герое вывел самого себя. Путающийся под ногами суровых революционеров идеалист Дон Кихот одновременно и нелеп,

и прекрасен. Луначарский в самом деле видел себя таким?

Автор: Наркома называли Дон Кихотом или «блаженным Анатолием» еще до революции. И он во многом ассоциировал себя с образом «рыцаря без страха и упрека», однако в своей известной пьесе Луначарский нарисовал облик не принявшего революцию Дон Кихота и потому изгнанного из страны. Пьеса писалась в 1922 г. во время подготовки к отправке так называемого «философского парохода», и ее автор тем самым как бы призывал интеллигенцию служить новой власти, иначе ее ждут неприятности.

П. Басинский: В последнее время вновь обсуждается проблема отношений культуры и государства. Что может власть, что может культура? Имеют ли моральное право деятели культуры служить власти? В чем разница между идеологией и культурой? Искусством и пропагандой? Мне кажется, все здравомыслящие деятели культуры понимают, что развести культуру и государство по разным углам невозможно, да и неправильно. Но кто будет осуществлять их диалог? Где наши новые Горькие и Луначарские с их практическим идеализмом? Или будущее за сугубо прагматическими отношениями между культурой и властью?

Автор: Опыт Луначарского показывает нам два главных вывода: о величайшей ценности культуры и огромной роли в ее развитии именно государства, которое обязано отдавать приоритет культурному развитию общества, находить и поддерживать истинные таланты в огромном многообразии ху-

дожественных течений и не заикливаться на каких-то отдельных предпочтениях в искусстве (так было, к примеру, при проведении «мягкой политики» по отношению к писателям-попутчикам в 1920-х гг.). И здесь главное заключается в привлечении к культурной работе разного уровня самих представителей творческой интеллигенции, как это и сделал Луначарский, в чем заключается одна из его главных заслуг.

П. Басинский: Смерть Луначарского напоминает смерть Чехова. Тоже умер во время лечения за границей, только не в Германии, а во Франции. Перед смертью выпил бокал шампанского. Как вы считаете, у Анатолия Васильевича была красивая судьба?

Автор: Без сомнения, красивая и творческая. Сделать столько за 12 лет работы наркомом, вряд ли было еще кому-либо под силу. В моей книге примеров такого подвижничества предостаточно. Упомяну лишь, что перу Луначарского принадлежат около 4000 статей, почти 40 пьес, сотни стихотворений, которые, кстати, почти никогда не публиковались и вообще неизвестны читателям. Надеюсь, что в будущем при выпуске уже задуманной книги «Луначарский. Дела и годы наркома просвещения» удастся ликвидировать этот изъян.

Афиши лекций и выступлений А.В. Луначарского.
Выставка «Товарищ Наркомпрос». 2025 г. Фото автора

Луначарский считал недостойным «дезертировать с острых постов, предуказанных историей», а силы в этой работе ему придавала любовь к культуре, уважение к деятелям искусства и творчеству. Проводя аналогию с Ломоносовым, Варлам Шаламов как-то назвал Луначарского «первым советским университетом». А в письме к поэтессе А. Барковой в феврале 1920 г. сам нарком заявил: «Мы живем в восхитительное время; кто этого, хотя бы в муках, не чувствует, —

тот не современен». Луначарскому повезло жить в «восхитительное время», творить «новое человечество», и, хотя все это происходило действительно «в муках», он мог гордиться тем, что успел сделать⁴.

⁴ Российская газета. 2024. 17 мая.

Луначарский в семейной жизни и на развилках судьбы

Более или менее подробная биография наркома просвещения была отражена автором настоящей книги в своем предыдущем капитальном труде «Анатолий Луначарский. Дон Кихот революции» (М.: Вече, 2023) в серии «Страницы советской и российской истории». Однако в биографии Луначарского еще таятся неизведенные факты и неразгаданные тайны. И приоткрыть их, хотя бы частично, позволяют найденные в РГАЛИ и впервые публикуемые в этом издании воспоминания первой жены Луначарского Анны Александровны Луначарской-Малиновской (1883–1959). Они были записаны в ходе 9 бесед с супругой наркома с 17 марта по 20 апреля 1935 г., точно неизвестно кем организованных и проведенных, с непонятной до конца целью, так как в документах это вообще никак не отражено. Сохранились эти записи в виде машинописи на 42 листах. В тексте есть мелкая правка (более 10 раз) рукой А.А. Луначарской, и, что более важно в нем есть места, которые специально «замазаны» чернилами (примерно 67 строк машинописи) для сокрытия чего-то нежелательного, и это было сделано, по всей видимости, самой женой наркома⁵.

⁵ РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–42.

Понятно, что почти через полтора года после смерти Луначарского его жена, которая прожила с ним около 20 лет, могла рассказать много интересного и важного для понимания жизненного и творческого пути Луначарского. Но удивительно, что все ее воспоминания «крутились» вокруг ранней биографии, личных качеств, семейных дел и характера наркома и почти вообще не затрагивали «политической истории», взаимоотношений Луначарского с В.И. Лениным, А.А. Богдановым, А.М. Горьким, Л.Д. Троцким и другими деятелями революции, его роли и места в разных событиях бурной эпохи. Между тем жена наркома знала и общалась со многими упомянутыми лицами, оказывалась в центре судьбоносных исторических событий, как это было, например, на Капри или в Женеве, Париже, Петрограде или Москве, и, конечно, могла бы поделиться своими наблюдениями на этот счет.

А.А. Луначарская (Малиновская). Флоренция. 1905–

1907 гг.

ВЕСЕЛА С А.А. ЛУНАЧЕВСКОЙ № 9 20/1У

Интеллектуальная сфера.

Объем знаний - обладал колоссальным запасом знаний, прекрасно в них ориентировался, обобщал эти знания. Основное, что его привлекало - литература, искусство, философия. Точные науки - математика - не привлекали его совершенно. В шахматы тем не менее играть любил, но играл неважно. Ограничить круг его интересов было бы очень трудно.

Мог иногда в силу своего увлечения делать поспешные выводы, но в конечном итоге был очень критичен. Мог схватывать на лету мысль, расширять горизонт и начать развешивать эту мысль. Огромное влияние крупного культурного наследия сказывалось на его мыслях, но в основном его произведения были оригинальными. Формы оригинальной не придумывал, как бы не интересовался этим. Не было склонности создавать свои схемы, классификации. Было, по преимуществу абстрактно-мысленное, но он его снабжал большим количеством образных сравнений, которые делали его понятным.

Обдумывал свою работу заранее очень тщательно. Лишь все обдумав - писал. Сначала создавал идеи вещи и лишь затем обладал ее в модальности и какой тканью.

Под влиянием новых фактов, при сличках создавался с чем, что его положение верно и верно его. Основную про-

Этошло от внешней культуры, очень быстро отшел от этого, т.к. в этом была суть. Прекрасно умел отделять существенное / главное, умел поставить все на свое место отделить второстепенное, на заседаниях сидел спокойно слушал, как бы соглашавшаяся, а в результате давал резолюция - эссенция из всего сказанного, но глубоко продуманного, с большим налетом собственного. Мог в немногих словах передавать суть книги, происшедшего, так мог рассказать целые философские системы. Прекрасно мог выделять центральную идею, фигуру в произведении.

В новой области ориентировался очень быстро, моментально схватывал суть. В сложной ситуации также ориентировался очень быстро, никогда не терялся в ней.

Спорить любил, и в порядке собеседования и в дискуссиях публичных. Логически старался доказать противнику свою точку зрения, но вместе с тем был полемистом. Иногда в докладах сознательно допускал слабые места с тем, чтобы потом обрушиться на противника. Был быстро в ответе. Очень эластичный, быстрый, сильный ум. Выводы были просты, решения были стройные, продуманные. Не был равнодушным человеком.

Любил афоризмы, парадоксы. Удачные афоризмы любил приводить и сам придумывал их.

А. Луначарский

13/2/1934

ЦГАЛИ Ф:279; оп.1; ед.хр.182.

С подлинным
верно:

С. ШАЛИ

Зайкина

Записи «Бесед с А.А. Луначарской». Машинопись с исправлениями. 1935 г.
(РГАСПИ)

Вероятнее всего, здесь сыграло свою роль, что беседы с ней были организованы не со стороны партийного архива того времени (тогда все их содержание было бы иным, и они «отложились» бы именно в этом архиве, ныне – РГАСПИ), а, видимо, со стороны кого-то из работников архива литературы и искусства (ранее назывался Центральным государственным архивом литературы и искусства): эту версию подтверждает, что на последней странице машинописи стоит подпись самой А.А. Луначарской и факсимиле «С подлинным верно: Секретарь ЦГАЛИ» с подписью «Засорина». Поэтому в темах состоявшихся бесед много литературных, психологических, нравственных, житейских и даже обыденно-личностных нюансов. Могло здесь сыграть свою роль и то, что в середине 1930-х гг. рассказывать о политических баталиях бывшей жене видного деятеля большевиков стало уже как-то неуместным и почти опасным.

Прежде чем представить в полном и неизменном виде воспоминания жены Луначарского, расскажем кратко о его семейных делах и поворотах судьбы на протяжении всего жизненного пути и напомним, что Анна Александровна происходила из мещанско-разночинской семьи Малиновских, в которой отец заведовал городским училищем, мать

была домохозяйкой, а среди 6 детей одним из трех сыновей был Александр Александрович Малиновский (1873–1928), ставший известным как А.А. Богданов, один из руководителей партии большевиков наряду с Лениным в 1904–1909 гг. Именно с Богдановым Луначарский познакомился во время своей ссылки в Калугу в 1900 г. и оказался вместе с ним в Вологде, где его ссылка продлилась с февраля 1902 по март 1903 г. Там будущего наркома и познакомил со своей сестрой Богданов. Помимо начала литературной деятельности свою женитьбу на 19-летней Анне Малиновской Луначарский считал важнейшим событием «вологодского периода» своей биографии. Все произошло скоротечно. По воспоминаниям 26-летнего ссыльного, «после трехдневного знакомства я сделал предложение сестре А. Богданова – Анне Александровне Малиновской, в которой я нашел дорогую жену, наполнившую мою жизнь светом личного счастья». Что сыграло свою роль в такой стремительности: давняя и неудовлетворенная тоска по «женскому плечу» неустроенного ссыльного, вспыхнувшая с первого взгляда любовь или родственная близость невесты к Александру Богданову, который на то время был ближайшим другом нашего героя? Добавим к этому, что Анна была дочерью учителя и педагога, то есть вышла примерно из той же среды, что и ее жених.

А.В. Луначарский. Выборг. 1906 г.
(РГАСПИ)

А.А. Богданов, революционер, философ, писатель

Друг Луначарского И.Е. Ермолаев отговаривал товарища от «семейных уз», недопустимых для революционера, на что Луначарский ему ответил: «Я многогранен и потому не могу очутиться в лежачем положении головой вниз...» Предложение своей невесте он сделал в начале июля, а повенчались они 1 сентября 1902 г. в Николо-Владыченской церкви Вологды. В 1935 г. в своих беседах Анна Александровна рассказала, что ее брат считал Луначарского донжуаном и говорил: «А.В. ухаживал за многими женщинами. Познакомился по фотографии с Анной. Элемент сексуального эстетизма всегда привлекал внимание А.В. Заранее решил, что женится на ней». Вот так – женится фактически по фотографии сможет не каждый!

Отметим, что Луначарский ничуть не лукавил, когда писал, что «дорогая жена» наполнила его жизнь «светом личного счастья». Вместе им придется пройти много испытаний, она будет не раз спасать своего мужа от ударов судьбы и, главное, станет не только его единомышленником, но и помощником во многих делах, выполняя редакторские и литературные функции. Мечтательная и эмоциональная, не чуждая «романтических отношений» с такими фигурами, как А.М. Горький и Ромен Роллан, Аня, как ее звали родные и Луначарский, увлекалась вместе со своим мужем и революционным подвижничеством, и новой философией жиз-

ни, постоянно призывая «держатъ наше знамя человека», и литературой, имея явные писательские склонности. Показательно, что свои «маленькие фантазии» Луначарский публиковал в 1902–1903 гг. под псевдонимом Анатолий Анютин.

Через сестру долгие годы поддерживались и не прерывались отношения Луначарского с ее братом Богдановым, одним из самых оригинальных мыслителей России первой трети XX в., чье имя оказалось надолго вычеркнутым из отечественной истории в результате резкой критики им марксизма в изложении сначала плехановской, а потом ленинской школы. В своих научных исследованиях Богданов опередил свое время, став одним из основателей теории организации систем, оказавшей значительное влияние на современные процессы, а также автором пророческих романов и научных открытий, в том числе в сфере медицины, особенно когда стал в 1920-х гг. директором Института переливания крови.

Между Богдановым и Луначарским с первых лет их знакомства существовало специфическое разделение труда: Богданов тяготел к философии, а Луначарский – к искусству, что заметно по всем изданиям, где они печатались вместе. Отношения их были теплые, семейные. Обычно Анатолий Васильевич обращался в письмах к Богданову «Дорогой Сашка». Всю жизнь друзей связывало очень многое – от пристрастия к философии, литературе и «богоискательству» до увлечения идеей пролетарской культуры, легшей в основу культурной политики Советской России после рево-

люции. «... В известной степени другом, который помог мне сделаться тем, кто я есть... это был А.А. Богданов. Мы были довольно хорошо дружны», – вспоминал позднее нарком.

Дом, в котором жил Луначарский с женой в ссылке в Тотьме в 1903–1904 гг.

(РГАСПИ)

В Тотьме, следующем месте ссылки Луначарского, где ему придется пребывать с женой с 31 марта 1903 по середину мая 1904 г., их ждала, по словам Анатолия Васильевича, «безоблачно счастливая семейная жизнь» с успехами его на литера-

турном поприще: «Тяжелым событием была только болезнь моей жены, которая слегла в тифу в последний месяц беременности, так что мы потеряли нашего первого ребенка. За исключением этого черного облака, я вспоминаю Тотьму как какую-то зимнюю сказочку, какую-то декорацию для «Снегурочки»... с постоянным умственным напряжением за чтением все вновь и вновь получавшихся книг и приведением в порядок своего мирозерцания, за спорами, отчасти и за поэтическим творчеством».

В «идиллии Тотьмы», где супруги «жили припеваючи», Луначарский больше всего «читал и думал» и именно там добился «наибольшего успеха в области выработки мирозерцания». «Бежать из подобной ссылки, – пояснял мемуарист, – мне не приходило даже в голову. Я дорожил возможностью сосредоточиться и развернуть свои внутренние силы. Конечно, ссылка была бы в значительной мере невыносима, если бы не превосходная семейная жизнь, которая сложилась у меня, и не постоянная общая работа с женой, явившейся для меня близким, все во мне понимающим другом и верным политическим товарищем на всю жизнь».

А.В. Луначарский с женой Анной Александровной. 1910-
е гг.

(РГАСПИ)

А.А. Луначарская. Швейцария.
1910-е гг. (РГАСПИ)

Луначарский с женой был освобожден из ссылки и от полицейского надзора 15 мая 1904 г., но в июле ему запретили жить в столицах и в Московской губернии в течение 5 лет. Далее последовал отъезд Луначарских в Париж и в Женеву для работы с Лениным в редакциях центральных органов партии газет «Вперед» и «Пролетарий», жизнь летом 1905 г. в Италии и переезд в ноябре этого года в Петербург в «самое пекло» первой российской революции, где Луначарскому пришлось пережить и заключение в «Крестах», и первые успехи на ниве массовой революционной работы вплоть до вынужденной эмиграции в феврале 1907 г., которой суждено будет продлиться для Луначарского более 10 лет. Все эти годы рядом с ним была его жена, которой пришлось пережить со своим мужем и многочисленные переезды, и необеспеченное существование, и потерю на Капри в 1908 г. их первого сына Анатолия, которого крестил А.М. Горький и который прожил только шесть с половиной месяцев, и долготелый разрыв отношений с Лениным, и рождение в августе 1911 г. еще одного сына Анатолия. Потом последовал «взрыв» Февральской революции, отъезд Луначарского в Россию без семьи в мае 1917 г. и воссоединение его с женой и сыном в начале 1918 г. уже в качестве наркома просвещения сначала в Петрограде с дальнейшим переездом в

Москву, где семье выпало жить в Кремле.

Отношения у Луначарского с женой, помогавшей ему в делах и занимавшейся в Наркомпросе вопросами дошкольного образования и устройством детских садов, были, казалось бы, ровными и безоблачными, а что касается сына, то его нарком любил «без памяти», всегда занимаясь его воспитанием и образованием. Однако все довольно неожиданно рухнуло, значит, в отношениях мужа и жены не все было так радужно. Публикуемые ниже воспоминания Анны Александровны могут приоткрыть завесу тайны над тем, что все-таки произошло.

Весной 1922 г. Луначарский ушел от своей жены к молодой актрисе Наталье Александровне Розенель (1902–1962), которая приехала в Москву из Киева со своей малолетней дочерью Ириной, удочеренной впоследствии наркомом. Жена Луначарского осталась с сыном и тещей наркома в кремлевской квартире, сам же он переселился поначалу в коммунальную квартиру на Мясницкой улице, а в 1924 г. в большую квартиру в Денежном переулке.

В защиту Луначарского следует сказать, что не только молодость и красота Натальи привлекли его внимание, но и ее «духовный облик». Актриса и режиссер В.П. Строева спросила как-то Луначарского, почему ему понравилась Наталья, тот ответил: «Разве вы не знаете: она же знает всего Шекспира наизусть». Нарком говорил В.Я. Брюсову, что его жена знает «не все, но очень многие» его стихотворения. Наталья

и сама пробовала писать стихи и даже показывала их Брюсову, но перестала их писать, по ее словам, после критики Луначарского, заявившего, что она подражает Ахматовой и пишет «сугубо женскую лирику»⁶. Пройдет время и в театрах страны будут ставиться переведенные Натальей Александровной пьесы французских и немецких драматургов, в том числе Герхарда Гауптмана. В архиве РГАЛИ хранятся до сих пор еще не опубликованные и не исследованные другие произведения и переводы Н.А. Розенель.

⁶ Луначарская-Розенель Н.А. Память сердца. М., 1965. С. 22–23, 49, 52–53.

Н.А. Розенель-Луначарская.

1920-е гг.

Н.А. Розенель-Луначарская на сцене

По воспоминаниям А. Менакера, «Розенель не блистала талантом, зато пленяла умом, воспитанностью и утонченностью. Она была образцом женской красоты 20-х годов. Один немецкий журнал назвал ее «самой красивой женщиной России». У нее были удивительно правильные черты лица, с легкой горбинкой нос (семейство Сац – никуда не денешься) и крошечная мушка на щеке. И русалочьи зеленые глаза... Вокруг Луначарского и его молодой жены ходило множество слухов, легенд... Гуляли подпольно и такие стихи:

В бардаке с открытым воротом,
Нализавшись вдоволь рома,
Вот, идет с серпом и молотом
Председатель Совнаркома.
А за ним с лицом экстерна
И с глазами из миндалин
Тащит знамя Коминтерна
Наш хозяин Оська Сталин.
Вот идет походкой барской
И ступает на панель
Анатолий Луначарский
Вместе с лэди Розенель...⁷

Композитор С.С. Прокофьев в январе 1927 г., приехав в Россию, посетил семью Луначарских в Денежном переулке,

⁷ Безелянский Ю.Н. 99 имен Серебряного века. М., 2007. С. 182.

где у них с 1924 г. была роскошная десятикомнатная квартира, ставшая своеобразным культурным салоном: «Навстречу появился Луначарский, как всегда очень любезный, несколько обрюзгший по сравнению с 1918 г. За небольшим столом сидело человек пятнадцать. Некоторые поднялись мне навстречу, но чтение стихов не было еще окончено, и Луначарский, жестом наведя тишину и предложив мне сесть, попросил поэта продолжать. Фамилия поэта была Уткин, и читал он еще довольно долго... Меня знакомят со всеми, среда которых несколько полузабытых лиц из артистического мира дореволюционного времени. Жена Луначарского, или, вернее, одна из последних жен, – красивая женщина, если на нее смотреть спереди, но гораздо менее красивая, если смотреть на ее хищный профиль. Она артистка и фамилия ее – Розанель. Переходим в гостиную. Ко мне подходят какие-то молодые люди и засыпают меня комплиментами. Больше всех говорит сам Луначарский, который не дает открыть рта своему собеседнику»⁸.

А вот воспоминания жены Луначарского о том, как осенью 1924 г. Маяковский читал в Денежном переулке поэму «Владимир Ильич Ленин»: «Вскоре из передней до нас донесли оживленные голоса, среди них выделялся знакомый, неповторимый голос Маяковского. Кроме Л.Ю. и О.М. Брик с ним пришла довольно большая компания: Сергей Третьяков, Гроссман-Рошин, Малкин, Штеренберг и еще несколько

⁸ <http://lunacharsky.newgod.su/bio/prokofev-o-lunacharskom/>

ко человек. Народу было значительно больше, чем я рассчитывала. Мы предполагали, что чтение будет в маленьком рабочем кабинете Анатолия Васильевича, но пришлось перебраться в большую комнату, принести стулья из столовой, переставить лампу и т. д. Все уселись тесным кружком... Я следила за лицом Анатолия Васильевича, и во время чтения строк о плачущих большевиках я увидела, как вдруг запотели стекла пенсне Анатолия Васильевича»⁹.

Любопытно, что Луначарского связывало с Маяковским, по словам Н.А. Розенель, «их общее увлечение бильярдом. Это было тем более парадоксально, что Маяковский играл отлично, а Анатолий Васильевич весьма неважно и почти всегда проигрывал, но гордо отказывался от «форы». Мне казалось, что весь спортивный интерес их игры заключается в том, на котором именно шаре Анатолий Васильевич сдаст партию. Если Анатолий Васильевич и Владимир Владимирович встречались в помещении, где поблизости был бильярд – пиши пропало! – их как магнитом тянуло в бильярдный зал...

⁹ Луначарская-Розенель Н.А. Память сердца. С. 29–30.

А.В. Луначарский и Н.А. Розенель. Берлин. 1930 г.

Когда мы жили в верхнем этаже музея-усадьбы Остафьево, к Анатолию Васильевичу иногда приезжал И. Уткин. Луначарский отправлялся с ним на первый этаж, где помещался музей, и часами играл на старинном маленьком бильярде, на котором, по преданию, гостя у Вяземских – бывших владельцев Остафьева, – играл Пушкин. Тщетно я уговаривала их пойти погулять, поиграть в крокет, городки...

– Пойми, ведь Пушкин, сам Пушкин играл здесь, – убеж-

дал меня Анатолий Васильевич»¹⁰.

Отметим, что семья Луначарских несколько лет проживала летом на втором этаже музея-усадьбы Остафьево, которая принадлежала князьям Вяземским и только в 1915 г. перешла к новому владельцу, графу П.С. Шереметеву, который оставался там при советской власти в качестве хранителя музея и с которым Луначарский наладил прекрасные отношения. Жена Луначарского, увлекавшаяся, как и он, пушкинской эпохой, вспоминала, что «второй этаж, кроме трех музейных комнат, занимала наша семья, и, хотя эти жилые комнаты не имели музейного значения, они все же были строго выдержаны в стиле первой половины прошлого века. Единственное новшество там – телефон и электричество. Анатолий Васильевич потребовал от домашних, чтоб не переставляли мебели и не вбивали в стены ни одного гвоздика»¹¹.

Луначарскому вообще несвойственно было отдыхать в обычном понимании этого слова. Сохранилась его заметка, предназначенная для журнала «Огонек» «Как я отдыхаю». И она начиналась словами: «Строго говоря, я вовсе никогда не отдыхаю. Даже в праздничные дни у меня чрезвычайно редко выпадает что-нибудь похожее на то, что обыкновенно называется отдыхом, о будних же днях вовсе не приходится говорить». Комментируя эту цитату, литературовед Н.А. Трифонов писал: «И недаром жизнь этого человека сравни-

¹⁰ Луначарская-Розенель Н.А. Память сердца. С. 34.

¹¹ Там же. С. 293–294.

вали со свечой, зажженной с двух концов»¹².

¹² А.В. Луначарский. Неизданные материалы. Литературное наследство. Т. 82. М., 1970. С. 547.

СЪОБЩЕНИЕ
ОТКАЗАНО

Дом в Денежном переулке, 9а, в Москве с памятной доской, где А.В. Луначарский проживал с семьей в 1924–1933 гг. в квартире на 5-м этаже. Фото автора

А.В. Луначарский с супругой Н.А. Розенель и друзьями.
1930-е гг.

Гостиная комната квартиры А.В. Луначарского в Денежном переулке, которая стала культурным салоном в 1920-х гг.

Яркая и броская пара Луначарского и Розенель вызывала много зависти, слухов и кривотолков. Доходило даже до поэтической дуэли. В архиве А.И. Рыкова сохранились две эпиграммы. Первая из них принадлежит Демьяну Бедному, который, пользуясь своим авторитетом у вождей партии и своей близости к ним (напомним, что поэт долгое время жил в

Кремле), имел привычку задевать своими стихами даже наркомов и ответственных чиновников, что не раз ощущал на себе и Луначарский. А вторая – самому наркому, вспомнившему, что и он является поэтом:

«Эпиграммы Демьяна и Анатолия:

I

Копейки копят рублики —
Нарком бьет прямо в цель:
Дарит лохмотья публике,
А бархат – Розенель.

Ответ на эпиграмму:

II

Все говорят: ты Беранже,
И только я не лицемерю, —
Ты просто Б, ты просто Ж,
А что Беранже ты – я не верю»¹³.

Эти эпиграммы были написаны еще 25 марта 1927 г., в день премьеры спектакля «Бархат и лохмотья», в котором играла жена наркома, когда Луначарский и Д. Бедный вместе с другими гостями отмечали в ресторане премьеру. Са-

¹³ РГАСПИ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 63–64.

мое обидное, что вроде бы «дружественная эпиграмма» Бедного была в итоге, как намек на «грехи» наркома, опубликована не где-нибудь, а в «Правде». В следующий раз Демьян Бедный больно задел семью Луначарских, используя значение слова «розенель» как «герань», тогдашний символ мещанства:

Законный брак – мещанство? Вот так на!
А не мещанство брак ровнять с панелью?
Нет! Своего рабочего окна
Я не украшу... Розенелью!¹⁴

Ясно, что Д. Бедный с его страстью к разрушению и критиканству всего, что его окружало, перегибал в критике наркома и его жены палку.

Находясь в последние годы жизни часто в дипломатических командировках, Луначарский скучал по своей семье и жене, которая, без сомнения, стала занимать в последние годы его жизни все более важное место, поддерживая своего мужа и продолжая свою успешную театральную карьеру, в том числе гастролируя по стране. «Я становлюсь адски деловой женщиной, – писала она своей подруге в это время, вернувшись из Ленинграда с заключенным там важным контрактом. – Играю в Малом, смотрю чужие спектакли, мои

¹⁴ Из архива секретаря Луначарского. Искусство и власть. Аукционный дом 12-й стул. 27-й аукцион. М., 2021. С. 20.

встречают чудно зрители в Малом...»¹⁵

О том, какие добрые и нежные отношения были тогда между супругами, может свидетельствовать сохранившееся в архиве Луначарского письмо к нему жены от 30 января 1932 г. в Женеву с обращением «Дорогой мой, Толишенька!» и сообщением, что у нее «снова начались боли в ногах и руках» из-за погоды: «Я рада, что ты себя хорошо чувствуешь и что в Женеве сейчас так красиво... Я горжусь моей работой как никогда. Я сейчас нахожусь в один из переломных моментов моей актерской работы. Либо пан – либо пропал. Дома у нас все благополучно. Живем дружно... Мой хороший, мой родной. Будь здоров. Пиши мне. Не забывай. Твоя Наташа». «Дорогой мой, золотой, родной мальчонка, целую тебя крепко, крепко, нежно, нежно, как люблю тебя. Я все время с тобою, люблю тебя до безумия и жду» – так могла писать мужу только любящая жена, и, конечно, история отношений Луначарского и его жены Н.А. Розенель еще ждет своего непредвзятого исследователя¹⁶.

На самом деле Луначарскому в его семейных отношениях было свойственно завидное умение сглаживать острые углы, постоянно помогать ближнему, поддерживать с родными ровные и добрые отношения, будь то падчерица Ирина и жена Наталья, их родственники или первая жена Анна Александровна и их сын Анатолий, с которыми Анатолий Васи-

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 891. Л. 27.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 891. Л. 21, 28 об.

льевич продолжал долгое время не только контактировать, но и дружить, помогая им всячески и особенно занимаясь творческим развитием сына. Как это происходило, какие это вызывало «бурные эмоции» у наркома, прекрасно показывают представленные ниже беседы А.А. Луначарской о ее муже, датированные 1935 г.

Сохранившаяся в РГАЛИ отрывочная, но все же объемная переписка Луначарского с дочерью Ириной за 1930–1933 гг., когда он часто бывал в отъездах за границей, тоже весьма показательна. Достаточно привести лишь несколько цитат из нее, чтобы убедиться в добрых и даже щепетильных отношениях между отчимом и его падчерицей, который было тогда 12–15 лет. 9 сентября 1930 г.: «Милая Котечка. Посылаю тебе 100 поцелуев из Лондона. Когда я приеду еще не знаю». 13 сентября 1930 г.: «Моя маленькая любимица... Привет из Парижа... Душенька моя». 5 ноября 1930 г. из Осло: «Какая в Москве погода? Готова ли твоя шубка? С кем ты занимаешься музыкой и французским языком? Кто теперь твои подруги?» 28 ноября 1930 г. из Берлина: «Твой папа целует тебя 100 раз... Когда я вернусь – начнем дружить, но очень сердечно». 22 июля 1933 г. из Парижа: «Видишь, дорогая дочурка, пишу тебе сам! Значит, не так уж и болею... Пишу Авелю Енукидзе, чтобы устроить Вам дачу...» К этим словам жена Луначарского приписала: «Вот он какой – твой папа! Чуть я ушла брать ванну, он подошел своей развратной походкой к столу и взял бумагу и перо. А писать ему нельзя.

Целую». В своих письмах Луначарский называл Ирину: «моя маленькая любимица», «душенька моя», «дорогой мой котенок», «мой маленький друг», «моя отрада»¹⁷. Не менее трогательными выглядят и милые детские письма к наркомому самой Ирины, которые сохранились в РГАЛИ и превосходно показывают постепенное взросление дочери с ее трепетным отношением к отчиму¹⁸.

А.В. Луначарский с приемной дочерью Ириной. 15 августа 1929 г.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 249. Л. 1, 3, 16 об., 26, 30, 35, 35 об.

¹⁸ Там же. Д. 421.

А.В. Луначарский с супругой на отдыхе. 1920-е гг.

Из подобной переписки видны почти идиллические семейные отношения, хотя из воспоминаний первой жены наркома следует, что во второй семье Луначарского не все было так благополучно, что он как бы «разрывался» между двумя «домашними очагами». И немудрено, что, хотя Ирине Луначарской было всего лишь 15 лет, когда Луначарский ушел из жизни, она все годы своей жизни, будучи участницей Великой Отечественной войны, военным инженером-химиком, майором, журналисткой, работавшей, в частности, в агент-

стве «Новости», до трагической гибели в автокатастрофе в 1991 г. в Англии не только помнила своего отчима, но и внесла огромный вклад в сохранение его наследия, выступив автором статей и исследований о Луначарском, составителем книг о нем, публикатором его документов.

Весьма показательно, что развод с первой женой Луначарский оформил только 9 марта 1925 г., через три года после ухода из семьи. В дополнение к заявлению в народный суд о разводе, поданном обоими супругами, Луначарский оставил с «согласия» Анны Александровны следующее обязательство: «Оставляю за собой право принимать моральное участие в воспитании моего сына Анатолия и рассматриваю это в то же время, как мою обязанность предоставить в полное распоряжение Анны Александровны Луначарской третью часть моего ежемесячного заработка и всех моих доходов и в то же время сумму не меньшую триста рублей.

Одновременно с настоящим моим обязательством я составляю завещание, в коем наследником моим по всему авторскому праву назначаю моего сына Анатолия с тем, что до совершеннолетия его все гонорары по авторскому праву должны поступать в распоряжение Анны Александровны Луначарской. Настоящим обязуюсь этого завещания ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не менять»¹⁹.

¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 4.

А.В. Луначарский с сыном Анатолием (Тото). 1916 (?).
(РГАСПИ)

А.В. Луначарский с сыном Анатолием в послереволюци-

В самом завещании, совершенном наркомом «на случай своей смерти», значилось: «Все принадлежащие мне авторские права и вообще все поступления, какие будут причитаться мне за мои авторские сочинения, я завещаю сыну моему Анатолию Анатольевичу Луначарскому, в единоличную собственность. Опенкуншею при недостижении моим сыном Анатолием Луначарским совершеннолетнего возраста, я назначаю и прошу быть женою мою и его мать Анну Александровну Луначарскую»²⁰.

Это был «царственный подарок» наркома своим близким, ведь его гонорары за все публикации и постановки в театрах пьес, особенно при жизни наркома, достигали внушительных размеров. Неизвестно точно, соблюдалось ли это обязательство Луначарского на практике и в каких масштабах, действовало ли оно в 1930–1960-х гг., но то, что оно резко ограничивало достаток новой семьи наркома и не могло не вызывать в ней трения, несомненно. Известно, что Анна Александровна обращалась с письмом-жалобой о конфликте с Н.А. Розенель из-за авторских прав на наследие Луначарского к Н.С. Хрущеву²¹.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

²¹ Из архива секретаря А.В. Луначарского. Искусство и власть. С. 46.

Анна Александровна Луначарская

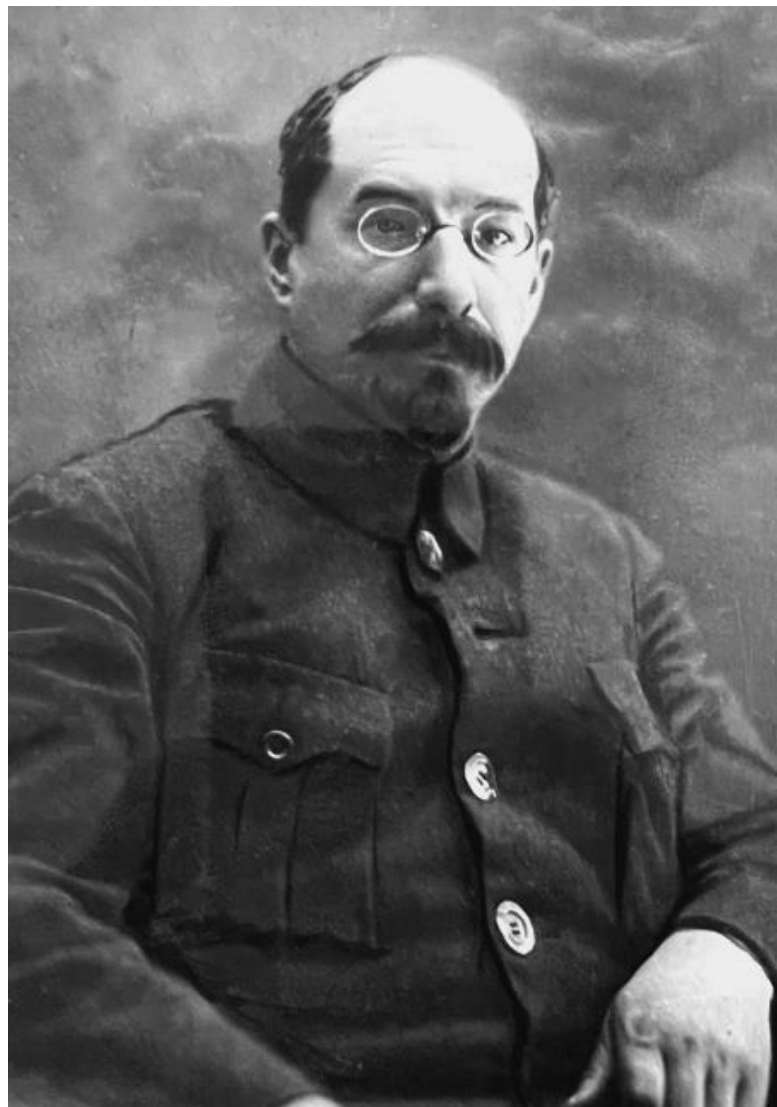
А. ЛУНАЧАРСКАЯ

**ГОРОД
ПРОБУЖДАЕТСЯ**

РОМАН

Книга А.А. Луначарской «Город пробуждается». 1929 г.

Френч – любимая одежда А.В. Луначарского в первые послереволюционные годы

Сын наркома Анатолий Анатольевич Луначарский, погибший в 1943 г. при высадке десанта в Новороссийске

Первая жена Луначарского Анна Александровна работала с 1918 г. на разных должностях в Наркомпросе, закрепившись в итоге в управлении цирков: она станет главным редактором журнала «Цирк» (1925–1927) и первым директором Училища циркового искусства (1927–1929), затем, последовав призывам партии и энтузиазму «строителей социализма», пойдет учиться на курсы трактористов, осваивая модель «Фордзон». После прохождения практики она получит в июне 1931 г. удостоверение об окончании курсов, но вернется вскоре в государственный и партаппарат.

В 1920-х гг. Анна Александровна еще сильнее увлечется литературным творчеством, написав «фантазии» «Отцветы Ренессанса» (1924), романы «Жизнь», «Сама мера» и «Город пробуждается», последний из которых увидит свет в издательстве «Никитинские субботники» в 1927 г. Вторым мужем Анны Александровны стал Этьен Лакост (Лякост), приехавший в СССР французский пролетарский поэт и писатель, член Бюро Ассоциации международных пролетарских писателей. Жена наркома доживет до 76 лет и будет похоронена в 1959 г. на Новодевичьем кладбище с надписью на надгробии: «Литератор».

Луначарского с самой лучшей стороны характеризует то, что он особенно трепетно занимался воспитанием своего сы-

на Анатолия, «вскармливая» в нем и писательские таланты. И эти усилия не пропали даром. Показательным представляется процитировать здесь очень яркое письмо к отцу 21-летнего юноши, написанное сразу после посещения им строящегося Днепрогэса, 13 октября 1932 г.: «Я был на Днепрострое. Ах, какое это великое место!.. Берега скалистые и степные... Мощная плотина, с которой, ревя, низвергаются сорок семь Ниагар... Водяная пыль подымается из голубого ущелья и две широкие радуги запутались в этом белесом тумане... А люди! Эти муравьи, суесящиеся вдоль могучих сочленений построек... Эти полубоги в синих и черных спецовках... А машины. Эти стальные эхтиозавры, жующие землю и скалы... Папочка, милый! Ведь в этом гуденье труда рождается новый мир, о котором ты так хорошо говоришь в твоих статьях... Мир, где люди будут здоровы, счастливы, где люди будут как песня, как ожившие изваяния... но мудрее еще, свободней и прекрасней!.. Ах, как я рад за них, наших потомков»²².

Как видим, сын проявил себя в этом письме не только как «романтически настроенный» патриот страны социализма, но и как талантливый литератор, получивший как будто генетический заряд от своего родителя. В том же письме Анатолий признался отцу, что пишет новеллы, да еще под «фамилией, блещущей словно шпага в лунную ночь», что у Луначарского «есть сынишка, который не валяет дурака, а бод-

²² РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

ро топает по следам отца», что он «хочет пойти в глубь заколдованного сада твоего сердца». А завершил свое письмо сын оптимистическим и философским заветом, адресованном и отцу, и самому себе: «Мой дорогой и любимый отец... Мне так зверски досадно за все твои беды. Но жизнь, папа, это, к сожалению, не легкомысленная песенка, а это трагическая симфония. И чем больше сердце человека, тем больше его нагружает страданиями жизнь. Но вперед! Промчатся невзгоды и снова будет масса солнца. Потому что и счастье выдается большим сердцам на нашей великой планете. Папа. Я люблю тебя. Сын»²³.

Думается, что каждый отец мог бы гордиться сыном, написавшим такие строки. Из сохранившихся в РГАЛИ писем Анатолия к отцу вырисовывается не только портрет героически настроенного в жизни молодого человека, но и яркий образ эпохи, формировавшей такие цельные характеры²⁴. Гордился сыном и сам Луначарский, помогавший ему в литературных трудах и писавший незадолго до своей смерти: «Дорогой сын. Мне захотелось кое о чем написать тебе. Во-первых, что я тебя горячо люблю, люблю, как разворачивается твоя жизнь, и желаю, чтобы она была широкой, яркой и творческой, а значит и счастливой».

Луначарский не мог знать, но мог предполагать, что его сын до конца жизни пронесет в себе заряд жизнелюбия, та-

²³ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 419, 420.

ланта и верности идеалам нового строя. Анатолий Анатольевич и вправду пошел по стопам своего отца. Он был энциклопедически образованным, знал французский и английский языки, хорошо рисовал, разбирался в искусстве, писал статьи по театральным вопросам, как и его отец, сочетал в себе мягкость, деликатность и нетерпимость к общественным изъяснам, был настоящим семьянином. В 1931 г. он работал несколько месяцев в совхозе «Зерноград» трактористом, с 1934 г. трудился в известном журнале «Красная новь», издав в нем цикл новелл «Солнце вваливается в дверь», переведя пьесу туркменского драматурга Т. Эсеновой «Дочь миллионера» и написав даже роман «О, юность, юность!». Потом он работал на Дальнем Востоке и на Севере, в том числе в студии Союзкинохроники.

С самого начала Великой Отечественной войны Анатолий рвался на фронт и служил на Черноморском флоте в политотделе 7-й бригады морской пехоты, занимаясь пропагандой и многотиражными газетами, публикуя во фронтовой печати свои очерки, рассказы, басни и... стихи (как тут не вспомнить его отца!). Анатолий постоянно участвовал в боях и десантах, несколько раз высаживался на Малую землю. 20 марта 1943 г. он писал в письме к матери и жене: «Теперь жизнь действительно поставила передо мной задачу... реализовать все свои впечатления в произведениях. У меня большие планы: «Черный комиссар» (пьеса), «Десант» (пьеса), «Мой корабль» (лирическая повесть)... А пока я пишу

листовки. Это тоже полезное дело, и я стараюсь делать их с большевистской страстностью... Сейчас у меня зарождается замысел большой эпопеи о войне... Книга будет о советских девушках – героинях этой войны (на Черном море)»²⁵. Стал Анатолий, как и его отец, драматургом: премьера спектакля по его пьесе «Джаз-корабль «Тромбон» с успехом прошла в 1943 г. в сочинском Зимнем театре.

А погиб старший лейтенант Луначарский во время Новороссийской десантной операции 12 сентября 1943 г. Он посмертно был награжден орденом Отечественной войны II степени, его имя золотыми буквами выгравировано на плите в Центральном доме литераторов Москвы среди писателей, погибших в годы войны, а в Новороссийске есть улица его имени. Молодой Луначарский оказался прав, когда писал матери 27 сентября 1941 г., став коммунистом и предчувствуя свою будущую гибель, что «я счастлив тем мужественным счастьем борьбы и веры в победу, которое воодушевляет каждого подлинного советского гражданина. Мы победим и принесем всему человечеству весну возрождения. Великая честь, великая радость жить и бороться в армии большевиков... Великое счастье прийти вместе с ней к лучезарному Дню Победы!

Но и смерть в этой борьбе – прекрасна. Любую, самую ма-

²⁵ Основные произведения сына наркома опубликованы: Луначарский А. За право на счастье. М., 1970; <http://lunacharsky.newgod.su/okruzhenie/a-a-lunacharskij/za-pravo-na-schaste/iz-pisem-materi-i-zhene/>.

ленькую, судьбу она поднимает на высоты героизма, пусть и безымянного, но имеющего величайшее историческое значение. Разве страшно сгореть в этом столкновении света и тьмы! Лишь бы горел ты максимально ярким пламенем. Каждый из нас, кто не выйдет из битвы живым физически, будет вечно жить в памяти и песнях народа и в ликующей победоносной жизни тысяч поколений свободных людей, людей коммунизма». Под этими словами отец погибшего подписался бы без всяких сомнений!..

Думается, что подробно комментировать публикуемые ниже беседы с А.А. Луначарской не имеет смысла: они сами по себе информативны, откровенны и насыщены фактами, хотя и составлены из кратких, не «развернутых» высказываний жены наркома. Обращаем внимание, что в них много неожиданных откровений, к примеру, о «деспотичности» матери наркома, о попытке самоубийства Луначарского в Калуге из-за любви к жене хранителя Полотняного Завода Д.Д. Гончарова актрисе Вере Константиновне, о готовности наркома пожертвовать жизнью, если что-то случится с его третьим сыном, о том, что в 1922 г. у него было два «сердечных припадка», о его «метаниях» между первой и второй семьями, о его «запутанных» и сложных чертах характера, о его качествах «администратора» и «примиренца» и т. д. Удивляет в беседах также подробный, даже порой чрезмерный, анализ вкусов и предпочтений наркома в самых разных сферах, с обзором его волевой и психосенсорной сфер, зре-

ния, обоняния, речи, чтения, внимания и даже слуха. В любом случае перед нами документ, достойный его первой публикации в настоящей книге.

Беседы с А.А. Луначарской. **1935 г. Публикация воспоминаний**

Беседа с А.А. Луначарской **№ 1. 17 марта 1935 г.**

Наследственность

Отец А.В. (здесь и далее А.В. – Анатолий Васильевич Луначарский. – *С. Д.*) – Александр Иванович Антонов, сын лесника, был простым человеком. Своими усилиями добился положения члена Окружного суда. Был очень одаренным, особенно артистически одаренным человеком – его игру сравнивали с игрой Мочалова. По характеру был мягким человеком. Политически – либерал. Лицом и по типу одаренности А.В. очень похож на отца. Умер Антонов 48 лет от каменной болезни, после неудачной операции.

Мать А.В. – Александра Яковлевна – была замужем за Василием Луначарским, который был старше ее на 17 лет – замкнутый, малообщительный человек, неповоротливый, толстый. Мать была не удовлетворена браком с ним и сошлась с Антоновым.

По воспоминаниям А.В., она приехала к Луначарскому и поставила перед ним вопрос – или она покончит с собой, или

он должен согласиться с тем, что она будет жить с Антоновым, а дети будут носить имя Луначарского. Луначарский согласился на последнее и уехал, предоставив ей свободу действий. По характеру Александра Яковлевна была очень властной, деспотичной женщиной, «дикая помещица», истеричка. Очень одаренная, культурная, читающая. Несколько раз в жизни покушалась на самоубийство. Но прожила лет до 68. Есть предположение, что покончила жизнь самоубийством, но официально об этом ничего не известно.

От брака с Луначарским у нее было 3 детей – Михаил, Яков и Платон. От брака с Антоновым – Анатолий и Николай.

Михаил – холодный красавец, обладал прекрасным голосом. Карьерист, типичный крупный чиновник. Служил чиновником особых поручений при каком-то министерстве. У него имеется сын Иван. Умер от разрыва сердца

Яков – адвокат, добродушный по нраву, типичный обыватель, бесхарактерный. Умер от разрыва сердца.

Платон – блестящий по способностям. Огненно-рыжий. Других сведений А.А. не имеет.

Николай – большой индивидуалист. Замкнутый, но остроумный, с украинским юмором. Очень одаренный, умный. Не имел направления в жизни, пока не сошелся со своей женой, которая, по словам А.А. (здесь и далее А.А. – Анна Александровна Луначарская, первая жена наркома. – С. Д.), сделала из него человека. Не было большой волевой направлен-

ности, но и особой мягкости не было. Умер от сыпного тифа. У него один сын – Николай.

Сын А.В. – Анатолий 23 лет – очень одаренный, одаренность идет по линии лингвистической, шутя овладевает языками, и главным образом по линии литературной – пишет романы, стихи. Не учась рисовать – дал прекрасные рисунки к своему роману в стиле гротеска – шаржа. Благодаря равносторонней одаренности все дается легко. Но обладает довольно большой работоспособностью. Физически хорошо развит, занимается спортом, танцами. По характеру добр, отзывчив, доверчив. Уже сейчас очень широко образован, эрудирован. /Наследственность сына по линии матери – см. схему наследственности Богданова/.

История развития

На развитие характера А.В. большое влияние оказала его мать. А.В. рос очень интеллектуальным ребенком. Начал читать рано. И читал необычайно много. Мать свою он любил очень сильно. Но вследствие властности, деспотичности ее характера ему еще ребенком приходилось подавлять в себе многие черты. Тем не менее с матерью были частые столкновения. Во избежание этих столкновений А.В. уединялся и просиживал с книгами. Уже в 15 лет начал носить очки – причем мать раньше, зная, что ему надо носить очки, не позволяла их одеть, т. к. считала это некрасивым и не подходящим для ребенка. Несмотря на тяжелый характер ма-

тери, А.В. не только любил ее, но и был в нее влюблен, о чем говорил сам в своих воспоминаниях, и это чувство длилось довольно долго. Под влиянием необходимости подчиняться матери у А.В. выработалась известная мягкость. По существу же, как это свойственно одаренным натурам, был властным. Сам говорил, что не хочет быть дирижером, а хочет быть первой скрипкой в оркестре. Была известная двойственность. Не был диктатором, но под влиянием других условий развития мог бы стать им. Чувство к матери было очень сильно. Даже впоследствии, когда видел жену во сне, говорил, что она принимала образ матери. Свойственна была некоторая раздвоенность – при внешней мягкости известная властность, при внешней общительности был замкнутый, иногда мог быть жестоким, не замечать человека. В литературных произведениях также всегда бывало два женских образа – один светлый, положительный, другой темный, демонический.

А.В. учился в Киевской гимназии. Учился плохо, неровно. Не был шаловливым ребенком, много читал, склонности были главным образом к литературе, истории и философии. Читал преимущественно научную литературу.

Очень рано начал влюбляться. Еще в гимназии участвовал в организации кружков, читал лекции. Пользовался большим вниманием. Вообще имел особое очарование – когда входил, становилось сразу светлее.

Беседа с А.А. Луначарской

№ 2. 20 марта 1935 г.

К истории развития

В 1901 г. был выслан, причем предложили выбрать Вятку или Вологду для ожидания окончательного приговора. А.В. выбрал Вологду, т. к. там была большая колония ссыльных и жил его большой друг А.А. Богданов. Окончательным приговором был выслан в Кадников. Не удержался и без разрешения начальства приехал в Вологду, где жила А.А., с которой только что поженились, на вокзале его арестовали. Несколько времени просидел под арестом, причем по настоянию А.А. высшее начальство разрешило его на день приводить к А.А., а затем его выслали в Тотьму.

В 1904 г. выехал в Киев. Из Киева по вызову Вл. Ильича (Ленина. – С. Д.) (через Богданова?) уехал в Париж.

* * *

1-й ребенок А.В. и А.А. умер в Тотьме (А.А. болела брюшным тифом), второй на Капри от детской холеры в течение 5 дней. Был неправильно поставлен диагноз, и его не удалось спасти. В тот период отношения между А.В. и его женой были безоблачны, они жили очень счастливо. И

смерть ребенка потрясла их. А.А. особенно тяжело переживала смерть ребенка, хотела умереть. Но А.В. говорил, что еще не все сделано им в жизни, что без нее он жить не сможет. Но если умрет и второй ребенок, который родится, то он сам умрет вместе с А.А.

На почве смерти второго ребенка у А.В. испортились отношения с Горьким, с которым перед этим была исключительная дружба, не проходило дня, чтобы не встречались по нескольку раз. Разрыв А.В. принял совершенно спокойно. Эта черта – легкого отхода от людей – была свойственна А.В. в течение всей его жизни. Она проявлялась как в личных, так и в общественных отношениях.

Например, при расхождении с Богдановым, с которым всю жизнь был очень дружен, – легко отошел от него и перестал о нем думать.

Единственно, когда очень тяжело переживал отход от близких, – это расхождение с А.А. и уход от сына. После ухода в другую семью жил все время двойственной жизнью, мучительно переживая разлуку. Особенно страдал оттого, что не мог свободно общаться с сыном.

В 1922 г. было 2 сердечных припадков.

У А.В. была исключительная способность переключаться. Когда делал одно что-либо – сильно увлекался, но попав в другую остановку – легко переключался. Когда владела одна страсть – увлекался так, что мог не замечать окружающего, даже близких. Но придя, например, с бурного заседания,

на котором решались крупные политические вопросы, мог сесть писать поэму.

Волевая направленность была довольно определенная. Легко направлял свою волю туда, куда хотел, и тогда бывал очень упорен. Очень требовательно относился к самому себе. Рисовал себе образ идеального человека – и старался превратить его в жизнь. Был честен, когда давал обещания, старался их выполнять.

Конфликты с партией переживал очень тяжело. К партии относился исключительно преданно, с огромным удовлетворением отдавал ей свои силы.

Спортом не занимался никогда, но был очень ловок, подвижен, умел ловко делать некоторые вещи, например пеленать ребенка, ухаживать за больными.

Беседа с А.А. Луначарской

№ 3. 22 марта 1935 г.

Была исключительная работоспособность и успешность. Был упорен в преодолении трудностей в работе. Очень легко переключался с одного вида работы на другую. Творчески жил, творчески работал – во все вносил элемент творчества. От легкости творчества иногда бывали дефекты. Очень не любил переделывать свою работу, исправлять ее. Писал исключительно быстро.

* * *

Перед отъездом из Калуги под влиянием тяжелых отношений с В.К.Г. (Вера Константиновна Гончарова, актриса, жена Д.Д. Гончарова, в которую Луначарский был страстно влюблен. – С. Д.) решил умереть – принял большую дозу сульфонала, его едва спасли. /Вообще страдал бессонницей/. После этого уехал в Вологду к А.А.Б. (А.А. Богданову. – С. Д.), где у него развилось сильное малокровие. Познакомился по фотографии с А.А.

На Полотняном Заводе у семейства Гончаровых. На снимке Д.Д. Гончаров, В.К. Гончарова, А.В. Луначарский (крайний справа) и другие. 1901 г. (РИА «Новости»)

Жена Анатолия Васильевича – А.А. Луначарская. (РГАС-
ПИ)

Заранее решил, что женится на ней. Очень просто встретились. Быстро начали разговаривать. Написал стихи в честь встречи и в дальнейшем о всей жизни. Проговорили день и ночь, и через этот промежуток предложил пожениться. Был очень нежен, безгранично предан. Никто не умел так ловко, бережливо ухаживать во время болезни. А.В. настаивал на венчании, чтобы обеспечить хорошее отношение окружающих к А.А. Сделали установку, что любовь – это работа, труд, творчество, и взялись доказать, что несмотря на то, что все были против женитьбы (А.А. Богданов, мать А.В.), что они будут счастливы и выполнили это. После ссор, неприятных моментов или даже во время этих ссор писал много сказок, стихов, юмористических рассказов. Обывательских ссор никогда не было. Был очень ласков, уступчив. Помогал хозяйничать – ходил на базар. Всегда хвалил кушанья А.А. Писал в тот период под псевдонимом Аниутин. Было много споров в области теоретической. Взаимная работа друг над другом дала очень много А.В. Личная жизнь играла очень большую роль. Творили, подводили итоги. Это был богатый творческий период. Отношение А.В. к расхождению с А.А. – никогда не мог себе простить ухода от семьи.

Женитьба на А.А. была большим поворотным пунктом. А.В. перешел к строго семейной жизни. Раз решив строить

личную жизнь, он это выполнял. С этим периодом совпадает блестящий момент расцвета творчества. Много писал стихов, сказок, рассказов, политических статей, много спорили о Канте и Гегеле. Всякая неприятность разрешалась бурно, но не болотным испарением, а бурей.

А.В. был бесконечно добрый человек. «Был добр потому, что не мог быть другим». Был добр и по отношению к жулику, и к благородному человеку. Отказать в чем-либо кому-нибудь было очень трудно. Не требовал никакой благодарности. «Был страшно солнечным: когда входил в комнату – становилось светлее». В начале молодости носил бархатные куртки.

* * *

В борьбе с мышами не признавали ни мышеловок, ни котов, т. к. А.В. страшно ценил все живое и не убивал никаких зверьков.

В Тотье перечитали очень много. Просто и естественно давал много другим – давал с большим удовольствием. Был очень щедр – светил как солнце, которому безразлично, что оно освещает. Очень любил рассказывать, например, в музеи любил ходить с большим количеством народа, чтобы объяснить. Мог, например, читать лекции так долго, пока народ засыпал от переутомления. Страдал бессонницами – вначале принимал много снотворного. Впоследствии засыпал, когда

А.А. клала ему на голову руку. Засыпал тогда немедленно.

Никогда не хотел доставить неприятность, интриговать. Сам доставлял иногда неприятность, но совершенно незаметно. Не желал создавать конфликта, иногда мог выключать людей, доставляя этим неприятность, это было отсутствием мужества, которое впоследствии также создавало массу неприятностей.

* * *

Любовь к природе была как к картинам, как к искусству, эстетическая. Как дальтонист воспринимал ее несколько неверно. К человеку относился так, как будто рисовал на нем картину. Рассматривал себя всегда как воспитателя, – не мог не заряжать человека своим прекрасным началом. Но не было предварительной схемы, заранее обдуманного намерения. Не умел воздействовать, в трудных случаях подчинялся. Подчиняясь, не нарушал своего внутреннего стержня, а как бы давал защитную реакцию, но своего «я» не трогал. всю жизнь шел своим последовательным путем. С Р. (здесь и далее Н.А. Розенель, вторая жена наркома. – С. Д.) – это «срыв» – не то, что он мечтал, – идти «дорогой мудрости». Всегда был человеком несовременным, был как бы человеком будущего. Всегда жил двойственной жизнью.

В доме родительском /в Киеве/ при встрече с матерью был этикет – и А.В. подчинялся этому этикету – он целовал руку матери и т. д. Мать была очень неприятного нрава. Жила окруженная приживалками. Во время переезда в Париж мать умоляла оставаться, желая избежать неприятности. А.В. передал окончательное решение А.А. По поводу денег – поручал А.А., иначе его обманывали, он очень верил людям. Под конец жизни отношения с матерью резко изменились благодаря тому, что скверно относилась к А.А.

В Вологде или Тотьме написали вместе с А.А. драму «Демон».

Читал стихи изумительно, страшно любил сцену, драматургию. Очень рано начал интересоваться сценой, хотел быть актером, но это не удавалось ему из-за близорукости. Любил разыгрывать импровизации. А.В. сам рисовал эскизы для маскарадных костюмов. Ему нравилось, когда за А.А. ухаживали, ему это льстило. Переставал замечать человека, если он дурно отзывался к А.А.

Если бы не льстили и можно было бы постоянным правильным мнением разрушить иллюзию, он ушел бы от Р. (Н.А. Розенель. – С. Д.).

Ход реакции у А.В. таков: А.В. восхищен – затем после неприятных разговоров – возмущался. Но в то же время в

него закрадывалось сомнение. И в этот момент надо было углубить сомнение, чтобы он окончательно освободился от своей иллюзии. У А.В. было рыцарское отношение к женщине. Считал, что нужно делать все открыто. Льстивые люди за глаза говорили одно, а в глаза другое. А.В. была свойственна вспыльчивость, во время которой он мог забывать, что говорит, при всей своей блестящей памяти. «Я этого не говорил», – утверждал А.В. после таких моментов.

Беседа с А.А. Луначарской

№ 4. 23 марта 1935 г.

Делит биографию на 3 периода: дореволюционный, во время революции и после ухода из семьи.

Всегда был среди детей, очень любил их. Участвовал в играх, придумывал, сочинял, рассказывал сказки, был вождем забав. Часто рассказывал сказки и отдельно сыну и всем детям. Как-то привез детям кукольный театр. Вообще был мало способен мастерить, но сам смастерил декорации к кукольному театру. Разыгрывал целые импровизации, причем дети всегда были довольны. Ему совершенно был несвойственен педантизм. Рождество праздновал как праздник веселья, сам надевал бороду, вывернутую шубу, одаривал всех детей подарками. Праздник имел определенную программу. Давал идеи для игр. Рассказывал сказки, которые давали идеи, например, ребята назначали себя командирами ветра, солнца, воды. А.В. вкладывал много увлечения в игры с детьми.

К сыну относился с большим вниманием, как к взрослому, с большой дружбой, прививал широкие понятия, иногда без особого педагогического подхода. В простой форме передавал Пушкина, Гулливера и др. Рисовали вместе героев сказок, лепил из снега героев своих сказок. Никогда не подавлял ребенка своей талантливостью. Воспитывал большую любовь к солнцу.

А.А. Луначарская с сыном Анатолием в эмиграции.
(РГАСПИ)

А.А. Луначарский среди молодых рабочих, приехавших на экскурсию в музей «Остафьево». (РИА «Новости»)

Бывали детские проказы – А.В. сосал сосульки ледяные и давал сыну, просил не говорить матери. «А ты ей не говори», – нравилось иметь тайны вместе с сыном.

Умел включаться в любую психику, даже детскую.

Были в доме горячие споры, весело протекавшие из-за остроумия А.В. Любил ходить в горы один или вдвоем с А.А.

В 1919 г. А.А., вернувшись из-за границы, застала его исхудавшим, появилось что-то новое – была усталость, но вместе с тем было большое возбуждение, вдохновение. Иногда спускался в детский мирок, но это было все реже и реже. С

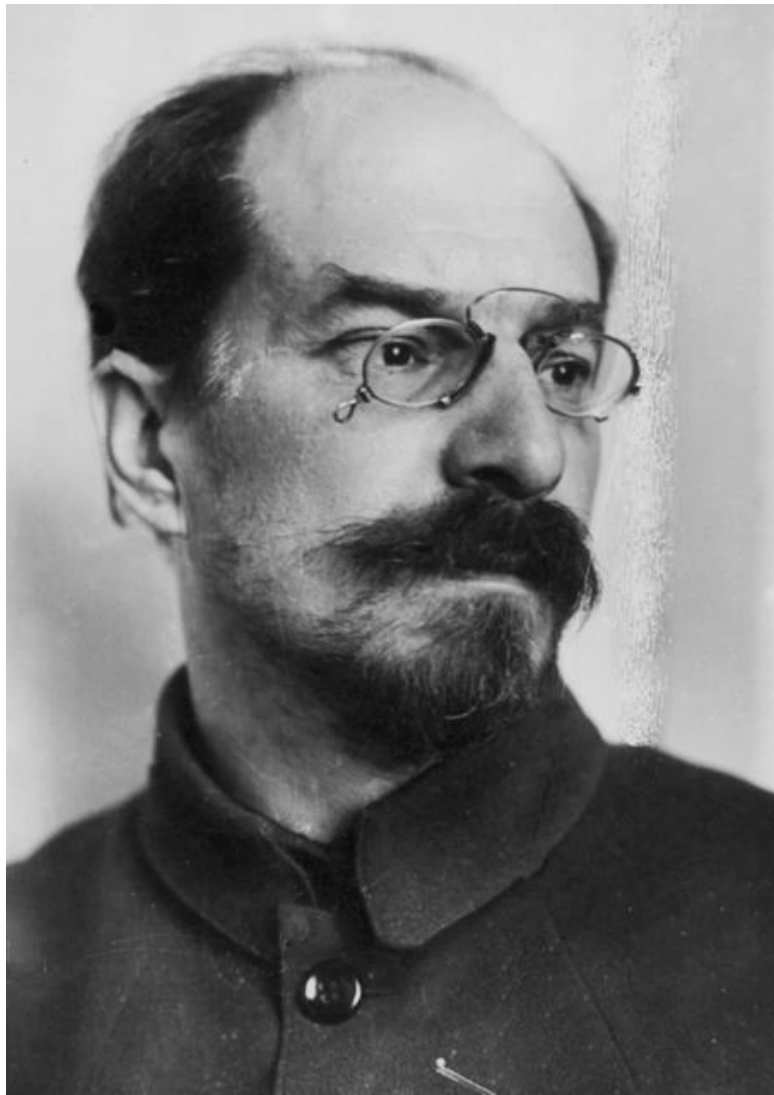
сыном были отношения снисходительные, баловал его. Возился с ним очень много, позволяя ему делать что угодно, бегать в кабинете по столу. Сын называл себя «пролетарским принцем». А.В. не возражал. Был очень предан коллективу. Был очень изобретателен и умно талантлив. Во время болезни сына накопил птиц и выпускал их в комнату, рассказывал взаимоотношение этих птиц. Но уже не мог много бывать с сыном, а сын потребовал ответа на вопрос, кого А.В. больше любит – его или революцию? А.В. вначале ответил, что революцию, но после приступа отчаяния сына сказал, что одинаково любит обоих. Во время игр – чувствовалась некоторая грустная нота, появилась ироническая улыбка, как бы снисходил к детям.

* * *

Отдыхал за чтением и писанием стихов, любил бродить по парку, заложив руки за спину и чуть улыбаясь. Люди его обожали. Со всеми были прекрасные отношения. Давал меткие характеристики в стихах всем окружающим. Очень любил животных – кошек и собак. Давал им характерные определения.

* * *

Характерно в последний период изменился. Росла нота мрачности. Очень тяжело переживал уход из семьи. Первое время сын не разговаривал с отцом, что А.В. переживал очень тяжело, плакал. Потом примирились. Встречались тайно. Когда был наедине, было очень весело, но как только появлялась Р. (Н.А. Розенель. – С. Д.), А.В. замыкался, становился более сухим и чужим. При встрече старались избегать личных разговоров. А.В. делал сыну целые доклады о международном положении. Когда хотел уехать с сыном на Урал – Р. устроила грандиозный скандал, и они не поехали. Часто приезжал ночью на машине за сыном и ехали кататься на Воробьевы горы. Сын вначале считал, что у отца слабая воля. Хотелось произнести обличительную речь, но боялся за его сердце, и казалось, что он закрыл свой мир /любовь к Р./ броней от всего окружающего. Прочитав философские работы отца, написал ему письмо, где упрекал в том, что А.В. такой большой человек позволяет, чтобы ему мешали ничтожные люди.

А.В. Луначарский: от войны и революции к повседневной работе наркома

А.В. очень живо реагировал на это письмо. Плакали оба. В последний период приходил в первую семью очень мрачным и лишь постепенно расцветал. Во время отъезда в Париж вел большую переписку с сыном, очень нежную, дружескую. Сын думал, что время разлуки со второй семьей близится. Бывал очень часто в доме. Вообще казалось, что снова сближается с первой семьей и скоро порвет нелепую связь со второй семьей, об этом А.В. намекал в письме к сыну.

После потери глаза пришел грустный. Был очень бледный, мертвенно-бледный, и тут сын почувствовал, что А.В. отказался от мысли вернуться к ним, так как не было уже физических сил. Появилось нечто старческое – окружил себя собаками. Конспиративно во время болезни устраивал встречи с сыном. Пропала веселость, общительность, – во время обеда сидел один со своими мыслями, молчал, и казалось, что никто не должен мыслить, так подавлял собой окружающих. Полная противоположность тому, что было раньше.

Психологически последний период был очень темным. Первые периоды были светлые – подавлял в себе все плохое. Но в последнее время все плохое как бы проявилось. Внешне в молодости был франтом. Затем был очень прост, ходил даже в стареньком костюме. А с Р. стал франтом, ходил в

МОДНЫХ КОСТЮМАХ.

Анатолий Васильевич в хорошем настроении.
1929–1930 гг.

А.В. Луначарский за работой в своей квартире в Денежном переулке.

11 сентября 1929 г. (РИА «Новости»)

Иногда бывали такие моменты, когда могла схватить какую-нибудь мысль, и он задумывался, застывал, не видя ничего окружающего. Острил мрачно.

Всегда заполнял собой все, но в последнее время заполняя, подавлял всех.

Когда писал последнее время, то видел зрительные образы тех великих людей, о которых он думал писать. Особенно эти образы возникали во время бессонницы, образы как бы наступали на него. Страдал ужасными бессонницами. Очень любил не только свои произведения, но с радостью воспринимал хорошие вещи других людей.

Была широкая философская мысль, не выносил плоскости математических формул.

Говорил, что каждый должен учиться, что мы знаем лишь немного и будем знать еще больше. Любил привести всю сумму знаний науки, для того чтобы продемонстрировать, как мало мы знаем. Сам знал очень много и недилетантски. В быту был очень беспорядочен, в кабинете был страшный беспорядок. Во второй семье был маленький кабинетик, в котором не позволял никому убирать, поэтому был страшный хаос.

В эмоциональном мире и в интеллектуальных знаниях был исключительный порядок.

Вынимал любые сведения, как из хорошей картотеки.

Мыслил не на бумаге, а очень непринужденно.

Действительность умел облачать в пышные, красивые одежды. В абстрактных разговорах мог разоблачать действительность, но в личных украшал.

Мог обманываться в людях – одевал их в красивые одежды и часто давал неверные образы. Разговаривая с человеком, мог сказать, что тот говорил очень интересно, в то время как собеседник только слушал А.В., а сам не произнес ни слова. Не помнил своего рассыпанного богатства, не было авторской памяти. Так, мог не замечать, когда повторяли его же остроты, выдавая за свои. Наряду с мудростью детская наивность, но был хитер и ловок в дискуссии, в политическом был насторожен, бдителен. Было желание сделать лучше людей, чем они есть.

Мог рисовать образ, совершенно не соответствующий действительности. Жизнь воспринимал несколько иллюзорно. Когда бывала попытка разрушить эти иллюзии – сердился. Был очень привязчив, легко вытеснял в подсознание свои тяжелые переживания. Была работоспособность изумительная.

В последнее время было ощущение нарастающей катастрофы. В связи с этим мог вытеснять и большие привязанности.

Жил очень богатой психической жизнью. Всегда воевал сам с собой. Воевал с желанием второй молодости и со своим прошлым. Тяжело отражались политические неудачи. Вообще вспыльчивым не был, лишь изредка бывали вспышки вспыльчивости.

Последний период можно отметить как период разрушения. Одно время сыну казалось, что у А.В. слабая воля. Это

не совсем так. Воля была направлена на работу. А.В. был мягкий, но сильный человек.

В последнее время появилась боязнь скандалов. Боялся встречаться с сыном, когда был болен, чтобы не переживать тяжелых сцен. Как будто не хватило воли для личной жизни, тогда он разукрашивал ее болтовней. Например, мог говорить о том, что вся двойственность его жизни кончится, когда подрастет дочь Р., и она тогда выйдет замуж за сына А.В. и будет полное примирение.

В отношении к смерти – умирать не хотелось. Чувствовал себя в расцвете интеллектуальных сил и вместе с тем хорошо ощущал свое физическое бессилие. В последнее время было очень много замыслов. Рассеивался, слишком много говорил и мало писал. Хотел закончить жизнь мудро. Думал, что в последний период это стало наиболее возможно. Как будто А.В. ждал, когда угомонится его страстность, жадность к жизни, чтобы спокойно отдаться философской мысли. К красоте относился исключительно. Для него красота была чем-то единым, которое находило свое преломление в различных классовых направлениях. Сам А.В. был очень многогранен в понимании красоты. Его даже называли эклектиком потому, что ему нравился и Мейерхольд, и Художественный театр. В поэзии очень ценил Маяковского и Багрицкого. Вообще в поэзии ценил ритм. Считал поэзию музыкой со смыслом.

Беседа с А.А. Луначарской

№ 5. 27 марта 1935 г.

Любимые цвета А.В. – золотой и голубой. Очень любил все яркое, выделяющееся, острое, но не в цветах, в выборе цветов был скромн – серое, синее.

Бесконечная доброта являлась как бы самозащитой

Особенности физиологические /возрастные/ и социальные /власть/ сыграли свою роль в его последнем периоде.

* * *

Никогда не ревновал. Ревновал после расхождения. После 1923 г. чувство ревности было более развито.

Для человека будущего в первую очередь признавал красоту, даже с искусственным оформлением. Человек должен быть богатым, ярким, красивым внутренне, но внешняя красота была необходимым условием. К убогому была жалость. Больше всего на свете не любил серости, убогости. Мог, например, написать записку о том, чтобы какой-то бывшей княгине выдали ее бриллианты, т. к. хотел доставить удовольствие, радость.

Была известная замкнутость, которая связана с травмами, полученными в молодости, когда не сразу признали. Об этом

помнил.

Ощущал хорошо свою значимость. Выражалось в том, что лишь избирательно говорил о своих интимных переживаниях окружающим. Вообще относился к человеку как к абстракции. Говорил, что он не такой простой, как кажется, что он хитрый и все видит. Но он все же видел меньше, чем он думал. Наблюдательность была литературная, а не практическая. Он мог очень легко очаровываться человеком, даже если тот был очень непривлекателен, а затем очень быстро в нем разочаровываться /пример с Блюменталь-Тамариным/. (Имеется в виду В.В. Блюменталь-Тамарин, известный актер, который сначала сотрудничал с белыми во время работы в Харькове в 1919 г., потом при содействии Луначарского получил звание заслуженного артиста РСФСР и ушел из Театра Корша, создав Московский передвижной театр. Видимо, нарком почему-то разочаровался в актере, которого он долгое время поддерживал. Но самое удивительное, что это упоминание в 1935 г. в негативном смысле актера А.А. Луначарской оказалось пророческим: во время войны в ноябре 1941 г. Блюменталь-Тамарин начал сотрудничество с фашистами, став диктором и артистом в Кёнигсберге и Берлине. Убит в мае 1945 г. при невыясненных обстоятельствах. В 2024 г. прокуратура отменила его реабилитацию как человеку, «перешедшему на сторону врага». – С. Д.)

Писал хорошо драмы, стихи. Мыслил символами.

В А.В. не было ничего русского – не было ни лени, ни

размагниченности. Было много западного.

Очень любил движение. Был очень динамичен, не мог долго сидеть, очень легко вставал, переходил с места на место.

Был очень покладистый характер.

* * *

Очень любил внешнюю обстановку банкетов, праздников. Становился центром внимания, был остроумен, любил играть словами.

Последние годы благодаря Р. вел очень нерегулярный образ жизни, часто пил, поздно ложился что было большой нагрузкой на сердце.

* * *

В парижской жизни можно отметить 2 периода: первый в 1904 г. очень радостный, бодрый. А.В. был «шпагой Ленина», по словам Лепешинского. (П.Н. Лепешинский – профессиональный революционер, большевик с 1903 г., позднее директор Исторического музея и Музея революции. – С. Д.) Заражал бодростью окружающих. Жили как два артиста. «Пролетарка и поэт» – так называл А.В. себя и А.А.

Жили очень дружно. Любил рассказывать А.А., что он

прочитал ее мысли. Часто ложились на полу перед камином и мечтали.

Второй период /1908–1917/ жили труднее. Было мало денег. А.В. много помогал А.А. в хозяйстве. Был так рассеян, что мог покупать конину вместо мяса. Очень ухаживал за сыном. Был нежный, добрый. Никогда не было тщеславия. Принимал лесть, потому что был очень доверчив. Когда писал какую-нибудь вещь, то восхищался: «Ах, какую гениальную вещь я написал». Но потом он относился к ней довольно безразлично. Очень сердился, запальчиво, когда ему указывали на недостатки. Очень не любил переделывать.

Очень любил детей, и дети его любили.

В домашней обстановке был скромным, неприязательным.

* * *

В тот период ощущал нарастание событий. Мечтал о работе в России, думал о том, что ему предназначено судьбой сыграть большую роль.

Сновидения у А.В. были очень яркие, образные, рассказывал о них. В снах наряду с реальной обстановкой всегда преобладала символичность. Это было вообще направление его художественного творчества.

В рисунках была академичность, они получались не очень удачные. Скульптура удавалась лучше, например, хорошо

лепил из снега героев своих произведений.

* * *

Последний период работал очень много. Вообще работал минимум 17 ч. в сутки. Как будто старался доказать партии, что он отдает все силы партии. Делал большое количество докладов, лекций, много писал. Большой травмой были для него все неприятные выходки Р. и последующий разбор некоторых дел в ЦКК, на что неоднократно жаловался А.В. (история с бриллиантами, с остановкой поезда и т. д.).

Говорил, исключительно влияя на массу эмоционально, достигая сердца массы.

Беседа с А.А. Луначарской

№ 6. Апрель 1935 г.

Психосенсорная сфера

Зрение

Зеленый цвет не воспринимал, он ему казался серым. Красный воспринимал так же плохо, особенно плохо в сочетании с другими цветами. Бывая в музеях, цвета называл довольно правильно, но красный и зеленый – для него не воспринимались. Знал, что трава зеленая, называл – это зеленое, но все шло как бы от сознания. Любил голубой и золотой цвета.

Очень любил закат солнца, отмечал оттенки: сиреневый, фиолетовый, розовый. В произведениях давал красное, но не воспринимал его в действительности.

А.В. Луначарский в Женеве во время работы

Подготовительной комиссии к конференции по разоружению при Лиге Наций. 1930 г.

А.В. Луначарский на излете своей карьеры...

Был очень близорук. Без пенсне видел окружающее только пятнами, например, лица собеседника не видел – оно представлялось пятном, а еда очерченными контурами. Деления не было только в последний раз, перед отъездом за границу, жаловался на то, что получилось несколько плоскостей. От чтения и бессонницы слегка краснели веки.

Глазомер был средний – играл на бильярде, и не плохо, умел стрелять, хотя и не был блестящим стрелком, не любил огнестрельного оружия. Играл в крокет довольно точно, но не блестяще, в городки – средне. Неузнавания формы никогда не было.

В 1930 г. перед операцией начал сам с собой разговаривать, как будто бы видел кого – то – разговаривал во сне в темной комнате.

Запоминал виденное очень остро, и лица, и картины. Была хорошая зрительная память, но навязчиво образы не стояли перед глазами. Вообще не было ничего навязчивого. Хорошо разделял грезы и реальное, но иногда грань сознания пропадала. Иногда могла быть раздвоенность.

Не любил пестрого, кричащих цветов, может быть, плохо воспринимал их, скорее любил нежные, скромные тона /в отношении своего костюма/. В темноте ориентировался плохо, мог спотыкаться благодаря плохому зрению.

Слух

Хорошо слышал обоими ушами, был очень острый слух. По слуху хорошо ориентировался, слышал направление шороха, шума, хорошо слышал шепот. Внимание мог сосредотачивать и в очень шумной обстановке как бы выключал слух.

Запоминал хорошо то, что слышал. Очень уверенно и детально рассказывал подробности слышанного. Чтение вслух любил тогда, когда читал сам, слушать не любил.

Музыку очень любил, не выносил музыку вульгарную – шарманку, например, очень любил Бетховена, Шуберта, Баха, часто бывал в концертах. По-видимому, не любил Вагнера так же, как и Достоевского. Вообще А.В. любил борьбу и победу, а в этих двух – Вагнере и Достоевском – нет радости исходного разрешения.

Музыкальный слух был хороший. Абсолютного слуха не было. Мелодию мог разбирать совершенно правильно, музыку воспринимал образно /видел скалы, море/, когда воспринимал ее интеллектуально, возникали мысли, сравнения. Особенно последнее время усилилась любовь к музыке. Музыке придавал исключительное значение. Говорил, что в будущем человек должен жить под музыку. Ритм воспринимал правильно. В искусстве ритм воспринимал исключительно. Маршей особенно не любил. Сам был глубоко ритмичным и внутренне, и внешне.

Мог писать стихи под названием «голубое», «серое» и, на-

оборот, картины мог переводить на язык звуков. В стихах часто были мотивы музыкальные. Знал теорию музыки хорошо, писал о музыке.

Из музыкальных инструментов, несмотря на большую любовь к скрипке, виолончели, предпочитал рояль. Особенно любил камерную, концертную музыку. Оперу и балет любил в равной степени. К балету относился все же довольно равнодушно, к опере относился с большим интересом. К музыке вообще было более выраженное влечение.

Вестибулярный аппарат

Ориентировался в местности очень плохо. Всегда говорил: я вас выведу – и запутывался еще сильнее. Возможно, что это связано с близорукостью и рассеянностью. Всегда был очень верен в направлении, но не знал его точно. Мог выбрать неправильное направление, вследствие рассеянности мог пройти собственный дом, не найдя нужной улицы.

Головокружений никогда не было в спокойном состоянии. Высоты боялся очень, тогда начиналось головокружение, казалось, что он упадет и окружающие также могут упасть. Начинать сильно волноваться, кричать, чтобы отошли от края пропасти, и сам спешил уйти.

Морскую качку переносил плохо, ложился немедленно, была форменная морская болезнь. Однажды тонул – оставался очень спокойным – перебирал в памяти свою жизнь, но все это происходило спокойно. Совершенно не было страха

перед опасностью, перед смертью, но перед человеком, которого он любит, он испытывал своеобразное чувство – боялся огорчить. Последняя половина жизни – чувство страха перед человеком, которого он любит. Езду на автомобиле, задний ход, переносил равнодушно. К барометрическому давлению был безразличен. Физиологические атмосферные влияния не действовали.

Восприятие было преимущественно зрительным. Осязание было без недостатков, склонности к ощупыванию предметов не было.

Холодное и горячее различал очень хорошо – но, например, горячего чая не любил, разбавлял его холодной водой, не любил холодных обтираний, горячей ванны.

Вкус

Очень любил сладкое, не очень любил мучное, гурманства не было. Мог съесть большое количество конфет, острого, соленого не любил. Любил вино. Казалось, что любит смаковать, но особого различия в вине не делал. В вине больше любил внешнюю декорацию. Каких-либо извращений вкуса не было. К еде был довольно безразличен.

Обоняние

Запахи различал неплохо, но особой изощренности обоняния не было. Принятые запахи, например, духи любил, но особой избирательности в запахах не было. Особых извра-

щений не было. Любил духи любимой женщины, но не отдельно духи. Рафинированности особой не было. Был слишком рассеян для этого.

Эмоционально-аффективная сфера

Настроение

Обычно веселое, ровное, доброжелательное. Готовность все видеть в хорошем свете, настроение всегда несколько приподнятое. Настроение было настолько ровное, что представлялось трудным вывести его из этого настроения. Иногда мог поддаваться тяжелому настроению, впасть в депрессию, но очень быстро это пропадало. Очень легко и просто изживал эти неприятные ощущения. Иногда плохое настроение приводило к ощущению безнадежности, но чаще боролся с этим и легко мог победить ощущение. Чаще настроение портилось, когда неприятное шло от близких людей, от личных внутренних переживаний. В отношении настроения циклических смен не было.

Характер реакции

Чрезмерной чувствительности не было, но была острота восприятия. Когда слушал что-либо неприятное, он как бы замыкался, отходил от этого человека.

Иногда мог реагировать на события необычайно бурно, запальчиво, мог наговорить, накричать, а после забывал все,

что говорил, – мог даже опровергать – что он не говорил этого. В моменты такого аффекта не бледнел и не краснел – окраска лица не изменялась.

Аффективность не была чем-то решающим, она проявлялась крайне редко, обычно был сдержан, легко замыкался, отгораживался. Внешне проявлял большую корректность и сдержанность, с годами выдержанность увеличивалась. Склонности к копанию в себе, к самоанализу не было. Мог анализировать себя, но как бы со стороны, разбирал себя очень детально, хорошо себя знал. Сам по себе не предавался этим вопросам. Вообще было мало интеллигентщины. Совершенно не был присущ меньшевизм. Связь с обществом, с людьми была сильно выражена. Но к людям был очень избирателен. Мог жить вдвоем с А.А. и с книгами, а вместе с тем был очень общественный человек. Это сказывалось в известной двойственности, был довольно скрытным, не любил проявлять вовне своих переживаний. Если человек его критиковал, А.В. из вежливости с ним соглашался. Но это было только внешне. Свою личную жизнь скрывал, о своей любви не говорил точно так же, как о любви к сыну. Мог выключать из своего сознания очень большие и важные вещи. Неприятное особенно стремился выключить. Был большой разрыв между жизнью сознания и подсознания. Рефлексы привычки побеждал в себе довольно легко и быстро.

Чувства оторванности от жизни никогда не было. Это происходило и оттого, что у него были большие резервы. Легко

переключался с одного на другое. Была очень большая жажда жизни. /Во вторую половину жизни появилась жажда к яркой, декоративной, шумной жизни/. Реакцию на горе, радость давал бурную. Например, после смерти первого ребенка плакал, переживал очень тяжело, но очень быстро проходила реакция, и он успокаивался. Радостные эмоции также не старался углублять, он брал их полностью, а потом переходил к другому, не носил в себе, а изживал все очень быстро. В реакциях был непосредственно импульсивен, окраска реакции была эмоциональная, склонности к подавлению импульсов не было, выявлял их очень непосредственно, всюду чувствовал себя как дома.

Увлекался различными вещами, особенно увлекала литературная, политическая жизнь и затем жизнь чувства, однако увлечение не было превалирующим – не мешало порядку всей работы. Если писал драму, мог увлечься, забыть про обед, но все же остальная работа не страдала. Был очень легким для жизни человеком, не делал из своего увлечения тирании. Самое тяжелое было, если бы он причинил неприязнь другому.

Беседа с А.А. Луначарской

№ 7. 7 апреля 1935 г.

Эмоционально-аффективная сфера

Первый год ухода из первой семьи появилась некоторая скупость. Последнее время появилась властность, иногда мог кричать на окружающих, раздражался. Бывали приступы ярости – тогда он бывал очень сильно возбужден, бледнел, возвышал голос. Во время приступов ярости мог схватить за руку, но эти приступы были непродолжительными, быстро отходил, не оставалось длительного неприязненного ощущения. Была свойственная взрывчатость. Во время столкновения с Барковой (Баркова Анна Александровна, известная поэтесса, которую называли «Анной Ахматовой в спецовке», в 1922 г. недолго работала вторым секретарем Луначарского, но вследствие конфликта ушла от него и работала потом в газетах и журналах. За антисоветскую деятельность с 1934 г. несколько раз арестовывалась и много лет провела в ГУЛАГе. – С. Д.) схватил ее за руку.

На большие переживания реагировал очень непосредственно и бурно.

Было нечто непосредственное и детское и наряду с этим какая-то замкнутость. Переживания не задерживались дол-

го. И после того, как отреагировал, мог забывать об этом – в нем было слишком много непосредственности.

Пугливости не было, был отважен и смел, панике не поддавался, всегда сохранялось самообладание, мог прекрасно рассказать в последующем о происшедшем, но не останавливался на мелочах, больше давал обобщения – это было свойственно ему вообще. Страх смерти не было. Последний период, вероятно, думал о смерти. Иногда грустил в мгновениях, но самой смерти не ощущал. На смерть других откликался всегда участливо, но без трагедии.

Привычки и влечения

Любил оставаться на одном месте, чувствовал себя хорошо, по-домашнему. Однако охотно менял место, когда уезжал, всегда с удовольствием, а через некоторое время начинал скучать, тянуло к прежней обстановке. Особой привычки к окружающей обстановке не было. Мог, например, работать во всевозможных условиях. В работе также не было каких-либо особых привычек – не было ни особой бумаги, ни письменного стола – мог работать в любых условиях, окружающие говорили, что он мог бы работать «на лафете стреляющей пушки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.